

ТАТЬЯНА ПОЛЯКОВА

Черта с два

АВАНТЮРНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

Татьяна Викторовна Полякова
Черта с два!
Серия «Авантюрный детектив»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=123484

Аннотация

Загадочная фотоленка, которая случайно попала в руки молодой художницы Александры, сделала ее жизнь похожей на настоящий боевик. И теперь за ней, точно за крутой героиней кинофильма, гоняются коррумпированные милиционеры и их дружки-бандиты. Но Александра совершенно не чувствует себя «крутой»... Жизнь, кажется, сделала мертвую петлю, теперь хоть вешайся. И тут на Александру сваливается ответственность за мальчишку по имени Денис – сироту-беспризорника, которому, оказывается, еще хуже, чем ей. Теперь они вместе. А вместе им и сам черт не страшен...

Черта с два!

Татьяна Полякова

Я въехала во двор и огляделась. И двор, и дом мне нравились. Дом был четырехэтажным. Огромные окна, высоченные потолки, широкие лестничные клетки. В таких домах дышится по-другому. Дворик тихий, небольшой и невероятно уютный. Свернув сюда, я подумала: трудно поверить, что это чудо расположено буквально в центре города и в нескольких метрах находится проспект с его шумной, ни на мгновение не затихающей жизнью.

Я давно мечтала купить квартиру в таком доме. И вот наконец мечта сбылась, я ее купила, причем за прямо-таки смешные деньги. В общем, мне повезло. Квартира, в которой я до сих пор живу, располагается в новом районе, в девятиэтажке. Десять подъездов, огромный, захламленный двор, всюду бродячие собаки и неприкаянные дети. Добираться туда общественным транспортом – дело нелегкое, а оставлять во дворе машину – опасное. Скорее всего утром ее не застанешь на обычном месте, а если и повезет... то так покажется только в первые три минуты. Подойдешь поближе и убедишься, что колеса сняли, магнитофон вырвали с корнем и кому-то вдруг понадобилось лобовое стекло. Я ненавижу свой дом, свой район и квартиру тоже ненавижу. Комната с видом на соседний дом – шедевр современной архитектуры,

а к ней кухня и крохотная прихожая.

Приткнув машину на стоянке, заасфальтированной и обнесенной невысоким заборчиком, я направилась к первому подъезду. Моя новая квартира под номером пять была на втором этаже. Я надеялась застать бывших хозяев и поговорить с ними. С отъездом я особенно не тороплю, но все же...

Я нажала кнопку звонка. Подождала, прислушиваясь. Легкие шаги, дверь открылась, и я увидела девочку лет восьми.

– Здравствуйте, – сказала она.

– Здравствуй, – я улыбнулась. – Мама или папа дома?

– Ага... Мам! – крикнула девчушка.

В прихожей появилась женщина в спортивном костюме, на вид очень усталая. Конечно, эти переезды – сплошные нервы.

– Здравствуйте, – сказала я, начиная чувствовать себя неловко. Люди заняты, а я лезу к ним с какой-то ерундой, в конце концов, перееду я неделей раньше или неделей позже – не так уж и важно... – Я – Максимова Александра Сергеевна, – улыбнувшись слегка заискивающе, представилась я.

Женщина смотрела на меня и хмурилась. Стало ясно: мое имя ей ничего не говорит. Странно...

– Я купила у вас квартиру, – подсказала я.

– Что? – Глаза ее изумленно распахнулись, она хлопнула ресницами и спросила: – Какую квартиру?

– Эту, – растерялась я, чувствуя, как начинает щемить

сердце. Я уже была готова зареветь или упасть в обморок.

– Вы что, с ума сошли? – спросила женщина и жалобно крикнула: – Сережа!

Тут в прихожей появился мужчина, надо полагать, ее муж, на меня он взглянул сурово. Я стояла на пороге, силясь понять, что происходит...

– Что? – спросил хозяин.

– Вот она говорит, что купила у нас квартиру...

– Да, и что она еще говорит? – Мужчина подошел поближе, взялся за ручку двери и, буркнув: – Топай отсюда! – хлопнул дверью, едва не задев мой нос.

Я всхлипнула, потом вздохнула поглубже и заставила себя нажать кнопку звонка. Дверь распахнулась сразу.

– Чего тебе? – спросил мужчина.

– Если вы будете вести себя подобным образом, я вызову милицию, – стараясь, чтобы голос звучал строго, предупредила я. Однако мой голос дрожал, в нем отчетливо слышались истерические нотки. – В конце концов, у меня есть документы...

– Какие документы? – не понял мужчина.

– На эту квартиру...

– Что за чушь? – нахмурился он, но вдруг испугался и проронил как-то неуверенно: – Ладно, заходите...

– Вы Дмитрий Михайлович Теплов? – спросила я, тут же осознав, какая это несусветная глупость: жена только что назвала его Сережей.

– Нет. Вы что-то напутали, девушка.

Разумеется, я напутала, всю свою жизнь я что-нибудь путаю.

– Мы сами эту квартиру месяц назад купили. С какой стати нам ее продавать? И никакого Теплова я вообще не знаю.

Я пошатнулась, мужчина заботливо пододвинул мне стул, я села, изо всех сил стараясь не разреветься.

– Послушайте, но я ведь была именно в этой квартире, приезжала сюда с посредником... возле самой двери у вас в комнате стеллажи с книгами и репродукция картины «Девочка с персиками» на стене...

Мужчина нервно кашлянул, сказал почти испуганно:

– Да... Когда вы приезжали?

– Две недели назад. Часов в десять утра.

– Ясно. Мы на работе, дочка у бабушки. Как зовут вашего посредника?

– Андрей. Андрей Суворин.

– А вы его хорошо знаете?

– В общем-то, нет. Он знакомый моей подруги...

– Ясно. И у этого типа были ключи от нашей квартиры?

– У меня и документы есть. Вот, пожалуйста, – засуетилась я, – и ваша расписка... то есть получается, что не ваша...

В этот момент из комнаты вернулась женщина с бумагами в руках.

– Посмотрите, девушка, все как положено... Мы же вас не

обманываем.

– Надо идти в милицию, – твердо заявил Сергей. – Смотри, что делается... И у этого типа есть ключ от нашей квартиры.

– Откуда же? – испугалась женщина.

– Должно быть, от прежних хозяев. Выходит, этот ваш посредник с ними знаком...

Больше я ничего не слышала, то есть я, конечно, слышала, но все это уже не имело значения. Я, несчастная идиотка, отдала все свои деньги и еще радовалась, что купила квартиру так дешево... Денег я не увижу и загнусь на своем дурацком девятом этаже... Теперь уж точно мне жить там до самой смерти, потому что такую сумму мне больше не собрать. Я встала, сказала:

– Извините, – и направилась к двери. Хозяева тревожно переглянулись.

– Может, вы... – начала женщина, а я еще раз повторила:

– Извините...

Спустилась по лестнице, бегом бросилась к машине, хлопнула дверью и зарыдала, кусая пальцы.

– Боже мой, Боже мой... – повторяла я. Рыдания перешли в тихий вой, а потом в тяжкие вздохи. – Дура несчастная, – сказала я самой себе минут через двадцать, – была душой, душой и помрешь...

Я завела машину, с тоской взглянула на зеленый дворик и поехала к себе.

«Может, мне утопиться? – подумала я очень серьезно, проезжая мост. – Или съесть упаковку таблеток... Пользы от меня человечеству никакой, и сама себе я давно в тягость... Мелкое художественное дарование...»

– Твои идиотские картины никому не нужны! – громко заявила я, начиная наслаждаться самобичеванием. – Что ты о себе воображаешь? Все, что ты делаешь, ужасная дрянь... а ты сама – никчемная, глупая и совершенно не приспособленная к жизни. С твоим характером надо быть не художницей, а сиделкой при безнадежно больном дядюшке... Впрочем, и там бы ты ничего не высидела... Господи, как я себя ненавижу...

Я въехала в свой район. Многоэтажки, серые, унылые, два чахлах деревца на сто квадратных метров, лето им не пережить... Надеюсь, мне тоже... Как бы половчее прекратить затянувшуюся нелепость под названием «моя жизнь». Но и на это меня, разумеется, не хватит. Я могу тешить себя мыслями о самоубийстве, не больше. Я труслива, беспомощна и ни на что не годна.

Я въехала во двор и бросила машину на площадке, возле подъезда. Черт с ней, пусть угоняют, бьют стекла или снимают колеса! Чем хуже, тем лучше. Я вошла в подъезд. Лифт, конечно, не работал. И в самом деле, зачем ему? Я стала подниматься по лестнице и заревела, тихо и горько. Квартира смотрела волком, я ее не любила, и она меня тоже. Лето, восемь вечера, а уже нужно включать свет: темно и неприятно.

Не двор, а колодец... Я потянулась к телефону. На счастье, Лариса была дома. Пока я думала, как половчее ей все объяснить, она спросила:

– Когда переезжаешь?

– Никогда, – ответила я.

– Почему? Вроде бы все оформили? Сорвалось?

– Лариса, кажется, Андрей меня обманул. Квартиру продали месяц назад, совершенно другим людям и... – Я опять заревела.

– Бог мой... Сашка, не плачь... придумаем что-нибудь...

– Голос подруги звучал неубедительно. Лариска – недотепа вроде меня, и ничего путного мы придумать не сможем.

– Где ты подцепила этого Андрея? – вздохнув, спросила я.

– Я ж тебе рассказывала: на вечеринке у Пашки Губанова, обмывали выход в свет альманаха, там подборка его стихов.

– Про альманах я знаю, – вздохнула я. – Он у меня на полке лежит, и я давно его прочитала.

– Ну... и Андрей там был. Нормальный парень... Он повез меня домой... я ведь рассказывала?

– Рассказывала.

– Я между делом сказала ему, что подруга ищет квартиру в старом городе, она художница и новые районы ей просто отвратительны. Она там ни жить, ни работать не может. А он заявил, что как раз занимается продажей квартир. Вот я вас и познакомила. Надеюсь, ты не думаешь, что я...

– Не думаю, если бы ты что и затеяла, все бы у тебя вышло

наоборот и наперекосяк.

– Может, ты зря расстроилась? Может, есть какое-то объяснение?

– Конечно. Объяснение есть: я законченная дура. Отдала деньги незнакомому человеку, взамен получила расписку от какого-то Теплова, которого в природе скорее всего вовсе не существует.

– Позвони Андрею. А хочешь, я позвоню?

– Не хочу. Жулик твой Андрей. – Я вздохнула.

– Сашка, тебе надо в милицию, и вообще... Ты заняла кучу денег, надеясь, что старую квартиру продашь и рассчитаешься. А теперь что, а?

– Не знаю. Скорее всего квартиру все-таки придется продать. Если повезет, смогу купить «малосемейку» или комнату...

– Может...

– Ладно, позвоню твоему Андрею, – сказала я и повесила трубку.

Андрея дома не оказалось. Я прошла на кухню и попыталась приготовить себе ужин, все валилось из рук, и я опять разревелась. Завтра же пойду в милицию и... и что? Андрей скажет, что в глаза меня не видел, а расписку от какого-то никому не ведомого Теплова можно смело выбросить. В милиции посоветуют впредь не быть столь доверчивой, а свои деньги я вряд ли получу назад. Тут я заревела еще отчаяннее, потому что вспомнила: через три месяца необходимо

вернуть долг – пять тысяч долларов. Где я их возьму, не продавая квартиры, в ум не шло.

– Ну и ладно, – сказала я, вытирая горькие слезы, и еще раз повторила: – Ну и ладно.

Ужинать не хотелось, с трудом проглотив пару ложек салата, я вернулась в комнату и села в кресло. Закрыла глаза, дыша глубоко и по возможности ровно. Потом поднялась и пошла к кульману, где были мои рисунки.

– Хватит ныть, давай работать, – напомнила я себе. – Только попусту теряешь время. – «Если бы ты знала время так же хорошо, как я, – ехидно проронил Болванщик, – ты бы этого не сказала. Его не потеряешь! Не на такого напали!» Я усмехнулась и взяла карандаш.

Телефонный звонок вернул меня к действительности: Мартовский Заяц ухмылялся с кульмана, но меня обступали стены ненавистной квартиры, а за окном раскинулся мир, в котором мне никак не находилось места. Я досадливо посмотрела на телефон и сняла трубку.

– Ты звонила? – спросила Лариса.

– Что? – не сразу поняла я.

– Ты звонила Андрею?

– Нет еще. То есть я звонила, но его, видимо, не было дома, или он просто не снял трубку...

– Надо было позвонить еще. Звонить и звонить... Ты меня слышишь?

– Конечно, я тебя слышу. Я позвоню.

– Боже мой, ты хоть понимаешь, что можешь оказаться на улице?

– Я понимаю, и я сейчас позвоню.

– Хочешь, вместе к нему съездим, поговорим, а?

– Не знаю, может быть.

– Ладно. Звони ему. Вдруг повезет...

Мне действительно повезло, в том смысле, что Андрей был дома, в остальном везеньем и не пахло.

– Андрей? – робко начала я. – Это Саша.

– А, – пропел он и вроде бы даже хохотнул. – Как дела?

– Плохо. Андрей, я сегодня ездила на квартиру, которую купила с твоей помощью. Оказывается, ее уже купили раньше меня какие-то люди...

– Бывает, – равнодушно перебил он.

– Что бывает? – растерялась я.

– Ну, бывает, что кто-то купит раньше...

– Андрей, я не вижу во всем этом ничего забавного. Я заплатила деньги и...

– Да ладно, ладно... Найду я тебе квартиру, чего ты...

– Какую квартиру?

– Хорошую. Не переживай.

– Андрей, я ничего не понимаю. У меня расписка...

– Выбрось ее..

– Что?

– Выбрось, говорю...

– Что значит «выбрось»? – возмутилась я, но как-то

неубедительно, и в глубине души была согласна с Андреем.

– А что еще с ней делать?

– Я пойду в милицию, – чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы, и злясь на себя за это, заявила я.

– Иди, – засмеялся он, – там дураков любят... утешат.

– Боже мой, – не выдержала я. – Как ты мог так поступить со мной? Я должна кучу денег, я надеялась продать свою квартиру и вернуть долг, а теперь...

– Твою квартиру мы мигом продадим, – сказал он весело. – Нашла о чем реветь...

– А мне прикажешь жить на улице?

– Сейчас лето. Погода хорошая.

– Ты мерзавец, – сказала я и собралась повесить трубку, но он меня остановил:

– Ладно-ладно, успокойся. Говорю, будет у тебя квартира... Ну, сорвалось с этой, повезет с другой. Ты мне еще спасибо скажешь...

– Верни мне деньги, – сказала я.

– Что?

– Деньги.

– Скажи по буквам.

– Не сумею, – мне вдруг стало смешно.

– Тогда ничего не получишь.

Я бросила трубку и закусила кулак. Телефон ожил, надеюсь, это не Лариска, не стоит мне лишний раз напоминать, что я в скором времени окажусь на улице.

– Сашенька, – произнес Андрей ласково, – а чего б нам с тобой не встретиться и не обсудить все в спокойной обстановке?

– Что обсудить? – престав грызть кулак, спросила я.

– Ну... ситуацию.

– Ты вернешь деньги?

– Вряд ли, – вздохнул он. – Их у меня уже нет. Но квартиру найду. Есть одна на примете. Хорошая квартира, за гроши, живет один алкаш, она ему ни к чему. Такому и комната сгодится... Отличный район. Только ремонт сделать. Продадим твою квартиру, сделаем ремонт, и еще деньги останутся.

– Я тебе не верю... – сказала я, очень надеясь, что он говорит правду, и твердо зная, что он врет.

– Ну... зря. Я чувствую себя обязанным. Ты мне нравишься, и вообще. Одним словом, мне очень хочется быть хорошим. Давай встретимся и все обсудим. Идет?

– Идет, – покачав головой и вздохнув, ответила я.

– Вот и отлично. Жду тебя через час на остановке...

– Но уже поздно...

– Брось. Весь город в огнях... чего ты боишься?

– Мне нечего бояться, совершенно нечего, – попробовала я убедить себя, вышагивая от стены к двери. – Я пойду и поговорю с ним. Да. Пойду и поговорю. Я должна вернуть свои деньги. Черт возьми, я должна это сделать, если не хочу оказаться на улице.

Через сорок минут я была одета и спускалась по лестни-

це. Только на одной лестничной площадке горел свет, идти пришлось в абсолютной темноте.

«Ничего из твоего похода не выйдет, – сообщил мне внутренний голос. – Я имею в виду: ничего путного».

Ровно через час после звонка Андрея я была на остановке, он уже ждал меня, сидя в машине. Окно открыто, из кабины доносилась музыка, что-то очень старое и лирическое.

– Привет, – проронил он, распахивая дверь с моей стороны. – Рад тебя видеть.

Я села, и мы куда-то поехали.

– Отличная ночь, да? – усмехнулся он. – А звезды? Посмотри, какие звезды...

– Я не вижу звезд, я вижу фонари. О чем мы говорим? Верни мне, пожалуйста, мои деньги.

– Конечно-конечно, – кивнул он. – А как же. Разумеется, я их верну. Ты нервничаешь, тебе надо успокоиться. Поедем, поужинаем... Я знаю отличное место.

– Уже поздно...

– Ерунда. Сейчас увидишь, какое это классное местечко.

– Андрей... – начала я.

– Подожди, подожди. Успокойся. Мы поужинаем вдвоем, ты и я, а потом поговорим о делах...

Мы приехали то ли в ресторан, то ли в кафе... в общем, в какую-то ужасную забегаловку. Толпа народа бессмысленно сновала между столами, музыка резала уши, ее изо всех сил пытался переорать телевизор в углу. Мы приткнулись за сво-

бодный стол, подошел парень в немыслимых лохмотьях, оказавшийся официантом, и принял заказ. Музыка стала громче, может, оттого, что кто-то догадался выключить телевизор. Господи, зачем я здесь? В этом аду разговаривать невозможно.

– Андрей, – прокричала я ему на ухо.

– Что? – крикнул он.

– Уйдем отсюда.

– Тебе не нравится?

– Не нравится.

– Брось. Здесь отлично. – Он улыбнулся и обнял меня. Мне хотелось сбросить его руку со своего плеча, но я не решилась. К счастью, принесли заказ, и руку он убрал сам. Еда была скверной, а я нервничала и вовсе не могла есть. За соседним столом компания человек в десять дружно вскочила и, раскачиваясь, принялась что-то выкрикивать.

– Давай выпьем за нас, – на ухо мне прокричал Андрей. Я кивнула, надеясь, что мои ушные перепонки еще какое-то время все это выдержат. – Почему не пьешь? – опять крикнул он.

– Не хочу, – ответила я.

– Ты не хочешь выпить за нас?

– Я хочу, чтобы ты вернул мне деньги.

– Ведь я же сказал, не начинай все сначала...

– Мне здесь не нравится, – отрезала я. – Я хочу уйти...

– Классная музыка, да? – усмехнулся он.

– Я хочу уйти, – крикнула я.

– Хочешь, потанцуем?

Он просто издевается... Я почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы... Господи, только бы не зареветь... Как это глупо... Зачем я с ним поехала? Он не вернет деньги... От толпы вдруг отделился длинный светловолосый парень, нечесаный и какой-то грязный, шагнул в нашу сторону, но, заметив меня, кивнул головой на дверь.

– Извини, детка, – поднялся Андрей. – Я сейчас.

Детка... вот дерьмо... Кто-то задел мое плечо, я вздрогнула и повернулась: огромный тип в бейсболке скалил зубы, держась рукой за мой стул.

– Познакомимся? – спросил он.

– Я здесь со своим парнем, – пришлось сказать мне.

– Жаль. Если надумаешь, я вон за тем столиком.

Тип вроде бы исчез, зато появился другой: лет восемнадцати, то ли пьяный, то ли просто сумасшедший, он опирался на плечо друга.

– Пойдем со мной, крошка, – проорал, наклоняясь к моему лицу, и что-то добавил на ухо приятелю. Тот захохотал, а я покраснела. Вскочила и бросилась к двери, за которой исчез Андрей. С меня довольно, я ухожу... Мне совершенно нечего здесь делать, все бессмысленно, бессмысленно... Я толкнула дверь. В узком коридоре, ведущем в служебные помещения, спиной ко мне стоял Андрей и отсчитывал деньги. Я растерянно замерла. Пачка долларов перешла в руки

длинного парня.

– Порядок? – спросил Андрей. Тот кивнул и что-то сунул в его ладонь.

– Андрей, – позвала я, он быстро опустил руку в карман. – Извини, я ухожу...

Я прикрыла дверь и пошла к выходу, на улице он догнал меня.

– Тебе не понравилось? – спросил весело.

– Нет.

– Почему?

– Мне не понравилось. Просто не понравилось. Я хочу домой...

– Ладно, без истерик. Садись в машину.

Мы сели в машину, я отвернулась к окну, кусая губы. Он положил руку на спинку моего сиденья.

– Ты не умеешь отвлекаться от проблем, это вредно для здоровья.

– Андрей, послушай, ты обманул меня... это ужасно, и я не хочу отвлекаться, я хочу получить свои деньги.

– А квартиру? Ты же хотела квартиру?

– Пожалуйста, верни мне деньги...

– Не сейчас. Сейчас не могу. Честно. Но на днях обязательно верну. Не злись, ладно? – Он взял меня за подбородок и придвинулся ближе. – Поедем ко мне, поболтаем... Ты мне нравишься, честно... вот увидишь, все будет просто отлично.

– Мне надо домой...

– Ты хочешь получить свои деньги? – усмехнулся он. – Да или нет?

– Хочу.

– Тогда поехали ко мне.

Вот подонок... Господи, почему я не могу сказать ему, что он подонок...

– Убери руки... убери руки, мне это неприятно.

– Ты не хочешь получить свои деньги? – повторил он.

– Ты не имеешь права так со мной разговаривать, – покачала я головой.

– Да? – Он завел машину и не спеша тронулся с места.

– Куда ты едешь? – спросила я.

– Я везу тебя домой.

– Мой дом в другой стороне.

– Да? Я знаю короткую дорогу.

– Пожалуйста, останови машину.

Теперь мы неслись по проспекту, огни мелькали, голова кружилась, мне хотелось разреветься и упасть в обморок.

– Если тебе не нравится в моей машине, можешь выйти...

– Он перегнулся и открыл дверь. Я вскрикнула и попыталась ее закрыть. – Ты же хотела выйти, – засмеялся он и легонько подтолкнул меня.

– Псих! – испуганно закричала я, а он захлопнул дверь.

– На тебя не угодишь, – произнес он с усмешкой и вдруг резко затормозил. Я вытянула перед собой руки и только по-

этому не разбила лицо о лобовое стекло. Машина замерла, а я удивленно огляделась.

Впереди стояли две машины ГАИ, в свете фар возник человек в бронежилете и с автоматом, потом еще один.

– Проверка! – бросил он резко.

– А что случилось? – спросил Андрей, открыв окно, выходить из машины он не собирался.

– Документы, – сказал тип в бронежилете, протянув руку.

Андрей достал бумажник и, с интересом поглядывая на дорогу, стал извлекать бумаги.

– В чем дело-то, командир?

– Вы превысили скорость.

– Быть такого не может, ехал шестьдесят километров. Правда, Саша? – с усмешкой спросил Андрей, поворачиваясь ко мне.

– Я не смотрела на спидометр, – промямлила я. «Самое время уйти, пока он занят», – решила я и щелкнула замком, освобождаясь от ремня. Моя рука оказалась рядом с полкой его пиджака. Тот парень в кафе что-то отдал Андрею, и он сунул эту вещь в карман. В правый... конечно. Она в кармане. И вещь эта стоит больших денег. Кажется, я побледнела... Пиджак расстегнут, пола свободно свисает вниз...

– Да ты что, командир, – паясничал Андрей, наполовину высунувшись в окно. – Ты случаем на посту не заснул?

– Выйдите из машины, – спокойно произнес тот. – Откройте багажник...

С тяжким вздохом Андрей толчком открыл дверь, а я... протянула руку. Мгновение – и она оказалась в кармане его пиджака. Он ничего не заметил. Я коснулась его локтя и спросила:

– Что происходит?

– Сиди... – поморщился он. Обошел машину и поднял крышку багажника. Я разжала пальцы: на моей ладони лежал черный пластмассовый цилиндр. В таком обычно хранят фотопленки. Я торопливо убрала его в сумку и вышла из машины.

– Ты куда? – удивился Андрей. Я не смогла ответить и бросилась к остановке. – Да пошла ты!.. – крикнул он.

«Господи, я это сделала, – билось в мозгу, – я сунула руку в чужой карман и украла... да-да, украла. А он? Он обманул меня, взял мои деньги да еще издевался. Боже мой, Боже мой...»

Скрипя тормозами, рядом остановилась машина, только тогда я сообразила, что стою на дороге и отчаянно машу рукой. Дверь открылась.

– Ты куда так торопишься, красивая? – засмеялся водитель.

– Извините, – пролепетала я, устраиваясь рядом с ним.

Теперь свет не горел ни на одной лестничной клетке. Задышавшись, я бегом поднялась на свой этаж, долго нащупывала ключи и замок, руки противно дрожали. Наконец я ока-

залась в прихожей, включила свет, заперла дверь на щеколду. Потом, передумав, выключила свет в прихожей и вошла в ванную.

– Господи Боже, – прошептала я испуганно, доставая цилиндр из сумки. В нем точно была фотопленка. Я подняла ее над головой, стараясь рассмотреть, что на ней изображено. Двенадцать кадров, мужчины и женщины что-то отмечают. Судя по всему – нормальное застолье.

– Дура несчастная, – покачала я головой, скрутила пленку, убрала в цилиндр и опять повторила, всплеснув руками: – Дура несчастная... залезла в карман к человеку, чтобы полюбоваться, как кто-то что-то празднует.

Я умылась холодной водой и попыталась рассуждать здраво. Я сама видела, как Андрей заплатил деньги. Большие деньги... нет, огромные. Никакие фотографии таких денег стоить не могут... Почему я пришла к выводу, что деньги он отдал за эту пленку? Что, если он просто возвращал долг, а пленка... пленка сама по себе. «Ладно, хватит гадать», – минут через двадцать решила я, подумала и сунула пленку в стиральную машину. Выпила чаю, не зажигая свет, и отправилась спать.

Андрей позвонил в шесть утра. Я смогла уснуть часа за два до этого и потому долго трясла головой, таращила глаза, вздыхала и только потом сообразила снять трубку.

– Господи Боже, кто это? – спросила я, растирая лицо ладонью.

– Верни пленку, сучка, – не здороваясь, прорычал Андрей.

– Что? – не поняла я и тут же вспомнила.

– Пленку, – повторил он. – Верни, тебе же хуже будет.

– Что за идиотские шутки? – вздохнув, спросила я. Так, значит, пленка чего-то стоит, и сумасшедшие деньги он выложил именно за нее. – Шесть утра, и это совсем не смешно, – собрав всю твердость, на которую была способна, заявила я.

– Слушай, ты, недоделанная... верни пленку. Подумай, дура, зачем она тебе?

– Если ты не прекратишь меня оскорблять, я позвоню в милицию... Ты сумасшедший... Поднимаешь человека в шесть утра и несешь какую-то чепуху...

– Вот что... у меня была пленка, ты видела, как я положил ее в карман, видела, а потом украла...

– Это ты украл мои деньги, – уговаривая себя не упасть в обморок, ответила я. – Ты взял деньги, обманул меня с квартирой, а теперь не желаешь эти деньги возвращать. Это ты вор, ты... и не смей мне больше звонить...

– Ладно-ладно, не дергайся. Пленка у тебя?

– У меня нет никакой пленки. И я хочу получить свои деньги.

– Получишь. Никому ее не показывай. Ясно? Если не хочешь спуститься со своего девятого этажа без лифта. Поняла?

– Я еще раз повторяю: у меня нет никакой пленки. И я хочу получить свои деньги.

– Получишь, – проворчал он.

– Когда?

– Завтра, завтра. Позвони с утра. Договоримся. И держи язык за зубами. Сучка, кретинка, мать твою!

Он бросил трубку. Я осторожно положила свою, легла и стала рассматривать потолок. Неужели я что-то сделала для себя? Поверить не могу... Пусть я украла эту пленку, пусть я воровка, зато у меня появился шанс вернуть свои деньги. Я закрыла глаза и попыталась уснуть, но через час поднялась и пошла в ванную, достала пленку из стиральной машины, вернулась в комнату и, встав у окна, внимательно рассмотрела все двенадцать кадров. Андрей либо сумасшедший, либо меня разыгрывает. На пленке не было совершенно ничего такого, за что стоило бы платить деньги.

– Ничего не понимаю, – покачала я головой. Все-таки на сумасшедшего Андрей не похож, и нервничал он по-настоящему. – Надо ее куда-то спрятать, – вслух сказала я и огляделась.

Ни одно место в комнате не казалось надежным. Я прошла по квартире, озираясь, хмуро и сосредоточенно. Ничего подходящего для тайника не наблюдалось. Если эта пленка такая ценная, хранить ее в квартире глупо. Где же ее хранить в таком случае? Отвезти к Лариске? А если это действительно опасно, вдруг Андрей не врал? Господи Боже,

куда ее сунуть? С полчаса я бессмысленно бегала по квартире, и тут в голову мне пришла мысль прямо-таки гениальная. В нашем доме был так называемый технический этаж. Некоторое время назад его облюбовало подрастающее поколение, с ними боролись и на двери повесили огромный замок, который подростки почти сразу же сбили. Тогда врезали внутренний, но ключ, один или несколько, почему-то потеряли. Как раз к этому времени из-за обильных весенних осадков потекла крыша, дверь взломали, и с тех пор ни внутренних, ни висячих замков не было вовсе. Молодежь, как видно, из чувства противоречия посиделки сразу же прекратила.

Я натянула шорты и футболку и осторожно покинула квартиру. На площадке никого не было. Воровски оглядываясь, на цыпочках я поднялась еще на один пролет. Мне совершенно не хотелось, чтобы кто-то из соседей меня здесь застукал, точно какую-нибудь бродячую кошку. Я толкнула дверь и осторожно вошла, прикрыла дверь и огляделась. Дышала почему-то с трудом и вообще чувствовала себя по крайней мере шпионкой. Господи Боже, кто бы мог подумать, что все это произойдет со мной... Я прячу какую-то идиотскую пленку. Ладно, лучше подумай, куда ее приткнуть. Слева, в стороне, стоял большой ящик с навесным замком. Я подошла ближе и заглянула за него, потом с трудом чуть-чуть отодвинула. За ящиком щербатая стена, один кирпич раскрошился почти полностью. Немного попытев в согнутом положении, я извлекла два крупных об-

ломка, сунула пленку в образовавшееся отверстие у самого пола и как могла замаскировала куском кирпича.

– Молодец, – сказала я насмешливо, задвигая ящик на место. Стряхнула с ладоней пыль и осторожно выглянула на площадку. Ни души. Тихо спустилась вниз, прикрыв за собой дверь, и направилась к своей квартире.

В этот момент появилась соседка. Она вышла из лифта с четвероногим Филей. Пес сразу же бросился ко мне, виляя хвостом. Я присела, глядя его по спине, и с улыбкой поздоровалась:

– Доброе утро.

– Здравствуй, Сашенька.

– Лифт работает? – порадовалась я.

– Работает. Надолго ли? Слышала, Симаковы квартиру продали, – кивнула она на соседскую дверь. – Молодой, неженатый, теперь намучаемся.

– Может, он тихий, – пожалала я плечами. Софья Сергеевна рукой махнула.

– Лестницу он точно мыть не будет, значит, ты да я... Кошмар какой-то, не дом, а помойка... Мусоропровод опять засорился, и что они с ним делают, интересно?

– Да... – неопределенно проронила я, поднимаясь.

Софья Сергеевна, подозвав Филю, исчезла за своей дверью, а я вернулась в квартиру. Выпила чаю и подошла к кульману. Мартовский Заяц продолжал ухмыляться. Я взяла карандаш и почесала им за ухом.

– А если Андрей надо мной просто смеется? – вздохнула я. – Что такого может быть в этой пленке, я ее разглядывала и так и эдак и ничего усмотреть не смогла.

– А что, если мы переменим тему? – спросил Мартовский Заяц и широко зевнул.

– Разумеется, – пожала я плечами.

День прошел как-то незаметно. В комнате вдруг стало темнеть, я посмотрела за окно, накрапывал дождь, а стрелки часов показывали семь вечера.

– Вот это да! – покачала я головой. И стала приводить в порядок свое рабочее место. Есть очень хотелось, а в холодильнике скорее всего было пусто. – У меня есть хлеб и чай, – напомнила я себе и пошла в кухню.

Хлеб и чай действительно были, а также два яйца, масло и банка шпрот, почти полная. Еще была картошка. Я приготовила королевский ужин и распахнула кухонное окно, чтобы послушать дождь. За этим занятием меня и застал телефонный звонок.

– Эй, ты, – привычно не здороваясь, проворчал Андрей. – Что с пленкой?

Я успела забыть о пленке и потому ответила не сразу.

– Не хочу говорить о всяких глупостях, – ответила я хмуро. – Когда вернешь деньги?

– Завтра. Приезжай с утра. И пленку захвати.

– У меня нет никакой пленки.

– Зачем она тебе, дура? Что ты с ней собираешься делать?

– Абсолютно ничего. Ты прав, мне не нужны никакие пленки, мне нужны мои деньги.

Он вздохнул и, наверное, покачал головой.

– Ладно, ладно... Забери свои деньги... и впредь не будь такой идиоткой. Уяснила?

– Когда приехать, я имею в виду, во сколько?

– С утра... часов в одиннадцать. Можешь даже раньше, нет, лучше в одиннадцать. И не забудь пленку.

– Я не могу ее забыть или не забыть, у меня ее просто нет, и взяться ей неоткуда.

– Ага, – явно усмехнулся Андрей и, помолчав, добавил: – Заберешь свои деньги, а вечером я заеду к тебе, и ты вернешь пленку, идет?

– Надеюсь, ты не обманываешь, и свои деньги я получу.

Я повесила трубку. Неужели и вправду получу? Я запретила себе радоваться раньше времени, взяла книгу и устроилась в кресле. Дождь незаметно перешел в ливень, в небе полыхнула молния, грохнуло так, что дом, казалось, качнулся, и окно пришлось закрыть. Я покосилась на входную дверь и на всякий случай приперла ее тумбочкой, на которой обычно стоит телефон. Проверила замок и щеколду. Телефон поставила в изголовье постели.

– Вот так, – сказала я громко и опять устроилась в кресле. На кухне тикали часы, за окном бушевала гроза, а Алиса отправилась на королевский крокет.

Утром я поднялась необычно рано и заметалась по квар-

тире.

– Что-то я делаю неправильно, – хмуро сообщила я себе. Привычка думать вслух последнее время всерьез пугала меня. Что-то со мной происходит? Как бы с катушек не съехать. Но когда с кем-то говоришь, квартира не кажется такой неприятной, даже если твой собеседник ты сама. – Что-то я делаю неправильно, – повторила я, присев на корточки перед холодильником.

«Разумеется, – ответил внутренний голос, отличавшийся некоторой вредностью и склонностью к критике. – Ты все делаешь неправильно, наоборот и наперекосяк. Например, люди ходят в магазин, покупают продукты, а потом кормят себя... Ты просто спятила на своем девятом этаже. Кончится тем, что тебя на «Скорой помощи» отвезут в психушку».

– Заткнись! – разозлилась я и хлопнула дверцей холодильника. Он был пуст, а тратить время на лицезрение пустых полок не стоило. Я заварила кофе, поглядывая в окно, и позвала: – Ну, где ты там? Скажи лучше, как мне следует поступить?

«Что толку? – проворчал голос. – Все равно ты меня не слушаешь».

– Я боюсь ехать к этому типу, – пожаловалась я.

«Неприятный молодой человек и жулик к тому же».

– Вот именно. Надо как следует подумать, стоит ли ехать.

«Не стоит. Лучше встретиться с ним где-нибудь в людном месте... Я знаю отличное место, в кафе, в Старом городе,

и на всякий случай попроси кого-нибудь прокатиться с тобой».

Я принесла телефон, взглянула на часы и позвонила Косте. Он так же, как я, работал дома и, когда у него эта самая работа была, сидел безвылазно в квартире, забывая есть и спать. В свободное от работы время он пил, помногу и подолгу. В этом случае застать его дома было невозможно. Сейчас Костя оказался дома, голос его был недовольным, я принялась извиняться, чувствуя, что оторвала приятеля от важных дел.

– Сашка, ты, что ли? – пробасил он. – Привет. Говорят, тебя с квартирой прокатали?

– В общем, да.

– Я ж просил, не торопись, выйду из запоя и помогу... В чем там дело-то, объясни...

– Костик, как раз сегодня мне обещали вернуть деньги. Ты не мог бы съездить со мной?

– Конечно. Сиди дома, я сейчас подъеду.

Поблагодарив его, я стала звонить Андрею.

– А, это ты, – вместо «здравствуй» сказал он. – Приезжай, жду. И не забудь пленку.

– Ничего о ней и слышать не хочу. Ты вернешь деньги?

– Верну.

– Тогда приезжай в кафе, где мы в первый раз встретились...

– Да мне туда тащиться через весь город.

– Мне тоже. К тебе я не поеду.

– Боишься? – хохотнул он. – Во сколько встретимся?

– В двенадцать. Устроит?

– Устроит.

Я быстро оделась и стала ждать Костю.

Он приехал и сообщил с порога:

– В городе опять какая-то авария. Троллейбусы стоят.

Пришлось топтать пешком четыре остановки... Сашка, а у тебя деньги есть?

– Сколько надо? – вздохнула я.

– Сотню. Лучше две.

– Могу дать тридцатку.

– Ладно, – поморщился он. – Сколько я тебе буду должен?

– Не помню, но у меня где-то записано.

– Получу бабки, верну.

Мы вышли из квартиры, и я направилась к лифту.

– Не работает, – обрадовал Костя.

– Утром работал.

– Так ведь хорошего понемножку.

Мы стали спускаться по лестнице, и я пожаловалась:

– Наверно, мне отсюда не выбраться.

– Да брось ты... у меня тоже лифт не работает. Нашла из-за чего расстраиваться... Тебе аванс дали? – кашлянув, спросил он. – Как вообще платят?

– Нормально, – пожалала я плечами.

– Слышала, в Доме творчества выставку открывают?

– Там Самарский, он меня терпеть не может...

– Не один он решает...

– Ты же знаешь, мне не везет.

Однако я была не права, сегодня мне везло, по крайней мере в том, что касалось машины. Сутки простояв под окнами, она ничего не лишилась и не приобрела.

– Не боишься оставлять? – кивнул Костя на мое транспортное средство.

– Боюсь. Но позавчера была так расстроена, что об этом не думала.

Мы отправились в старый город, я за рулем, а Костя на заднем сиденье, за моей спиной. Кто-то когда-то сказал ему, что это наиболее безопасное место, с тех пор он только там и садился.

– Что за тип этот твой Андрей? – сообразил спросить Костя, когда мы уже подъехали к кафе.

– По-моему, негодяй.

– Учат, учат вас и кино, и газеты...

– Дураков не выучишь, – кивнула я. – Ладно, пошли.

Андрей уже ждал нас, сидя за столиком в углу, и смотрел на дверь. Косте не удивился, бросил хмуро:

– Привет! – И сказал, глядя на меня: – Принесла?

– Я пришла за деньгами.

– Вот они твои деньги, – разозлился он и швырнул на стол небольшой пакет.

Я села, разорвала бумагу и, прикрыв деньги левой рукой,

быстро пересчитала: вновь оказаться в дураках охоты не было.

– Все правильно? – зло усмехнулся Андрей.

– Да, спасибо, – с огромным облегчением ответила я и тут сообразила, что благодарить его довольно глупо.

– Идем? – позвал Костя, я кивнула и поднялась.

– Эй, а пленку? – возмутился Андрей.

– Когда деньги будут в надежном месте, я привезу пленку.

– Когда? Мне она нужна сегодня.

– Хорошо, – спорить мне совсем не хотелось. – Жди дома, я заеду.

Мы вышли на улицу.

– Что за пленка? – спросил Костя.

– Так, ерунда.

– Хорошо, хоть парень приличным оказался и бабки вернул, – заметил он, на ходу прикуривая. Я была так рада деньгам, что согласно кивнула.

Мы заехали на работу к одному моему знакомому, и я отдала ему долг – пять тысяч. Пришлось объяснить, что с квартирой ничего не вышло.

– Если опять понадобятся, всегда рад помочь, – заверил он, я поблагодарила и вернулась в машину.

– Куда теперь? – спросил Костя.

– В банк. Не хочу держать деньги дома.

– Я тебе больше не нужен?

– В общем, нет. Спасибо тебе большое.

– Тогда останови у светофора. Зайду пивка выпить. Счастливо, увидимся в субботу. А Самарскому все-таки позвони.

– Бесплезно, – пожалала я плечами.

– Хорошо, тогда я сам позвоню.

Костя вышел и, махнув мне на прощание рукой, исчез за углом. Избавив себя от заботы о деньгах, я поехала домой. Вовремя вспомнив, что у меня нет даже хлеба, забежала в магазин. В общей сложности на все эти мелочи ушло довольно много времени, потому к Андрею я отправилась уже после пяти, предварительно достав пленку из тайника и позвонив. Снять трубку он не пожелал, что было несколько странно: то он торопит меня с пленкой, то бродит неизвестно где в тот момент, когда я собираюсь ее привезти. Что ж, если дома его не окажется, оставлю пленку соседям, а ему напишу записку.

Андрей жил в трехэтажном доме, старом и очень симпатичном. Правда, дому вредило соседство винно-водочного магазина: штабеля ящиков за сетчатой оградой, грязь и скамейки, занятые выпивохами. Но все равно это лучше, чем мой двор-колодец. Здесь росли деревья, было прохладно, в песочнице играли дети, а рядом с ними пристроились две бабульки с вязанием на коленях. Я завистливо вздохнула и вышла из машины. У Андрея я была лишь однажды: как раз в тот день, когда мы осматривали «мою» будущую квартиру, которую, правда, уже кто-то купил. Он жил на первом эта-

же, квартира двухкомнатная, большая и удобная. Квартирный вопрос становился для меня наваждением, я досадливо покачала головой и проверила, заперла ли дверь машины.

– Тетя, дай денег, – гнусаво попросил кто-то рядом. – Очень кушать хочется.

Я повернулась и увидела мальчишку лет одиннадцати. Физиономия у него была смышленной, а в глазах плясали веселые чертенята. Выбритые виски и затылок, темная шапка волос на макушке, вздернутый нос, драные джинсы, грязная футболка, разбитые кроссовки на босу ногу. Эдакий малолетний хозяин улицы. Как парень ни пыжился, а выглядел он довольно жалко: супермодная стрижка не могла компенсировать брошенности и неприятности, которая угадывалась за внешней наглостью. Я вздохнула и спросила:

– Сколько?

– Десять баксов.

– Ты чокнутый, что ли? – удивилась я.

– А вы зеркало сняли? – спросил парнишка, подходя поближе.

– Нет, – ответила я, косясь на свою машину.

– Вот-вот, – хмыкнул оборванец и заглянул в кабину. – Магнитола... не «Пионер», конечно, но и не совсем туфта, денег стоит. – Он пнул колесо, сплюнул и поинтересовался: – Запаска есть?

– Ты чего пристал? – удивилась я.

– Ничего. Запаска наверняка есть. Ну и чего жать какие-то

паршивые десять баксов?

– Слушай, отойди от машины.

– Ну и отойду, – презрительно хмыкнул он и сел метрах в пяти от меня на ящик, вытянув ноги. Насвистывая, стал разглядывать облака и лениво заявил: – Скупой платит дважды.

– Ах ты, маленький гаденыш, – покачала я головой. – Я приехала на десять минут. Ничего свистнуть не успеешь.

– Серьезно? Хочешь поспорим? – хмыкнул он, а потом опять заныл: – Дай десять баксов.

– Возьми пятерку, – полезла я в сумку, – и присмотри за машиной.

– Рубли? – скривился он.

– А ты что думал? Совершенно ненормальный какой-то.

– Сама ненормальная.

– Ты что это грубишь? – удивилась я. – Вот сейчас возьму за ухо да отведу к матери, чтоб она тебе всыпала как следует за вымогательство.

– Давай отведи, – хохотнул парнишка. – Можешь к матери, можешь к отцу, хотя к папаше пешком идти замучаешься.

– Возьмешь пятерку? – строго спросила я.

– Возьму, – вздохнул он, протягивая руку.

– Я быстро, – заверила я и направилась к подъезду.

– Ты к Андрею из шестой квартиры? – поинтересовался он.

– Да. Откуда ты знаешь?

– Знаю. Видел тебя с ним. Только ты зря приперлась, ему не до тебя, менты у него в гостях.

– А мне все равно, – ответила я, входя в подъезд.

Подошла к четвертой квартире и нажала кнопку звонка. Дверь открыть не пожелали, я позвонила еще раз, потом еще. Прислушалась: тишина. Отошла к перилам и достала из сумки записную книжку и карандаш с намерением написать записку. Свет в подъезде не горел, я переместилась чуть левее, ближе к окну, и тут почувствовала, что на меня кто-то смотрит.

«Чего он дурака валяет? – удивилась я, косясь на глазок Андреевой двери. Я готова была поклясться, что за мной наблюдают. Бог знает отчего стало страшно. – В конце концов, эта пленка ему нужна, – успела я подумать, – вот пусть сам...»

Дверь открылась, на пороге стоял молодой мужчина, одетый в джинсы и футболку, коротко стриженный, с хмурым лицом и настороженным взглядом.

– Привет, – проронил он. – Чего надо?

Я слегка растерялась, взяла сумку под мышку, быстро скомкав в ладони записку. Почему-то мне не хотелось, чтобы этот тип ее прочитал.

– Извините, Андрей дома? – спросила я, пугаясь еще больше, решив броситься по лестнице и побыстрее оказаться на улице.

– Нет, – покачал головой парень. – Ушел ненадолго. Скоро

вернется.

– Да? – Все это было как-то странно. – Передайте ему, пожалуйста, что приходила Саша, пусть он мне позвонит, вечером я буду дома.

Я отступила на пару шагов, тип в дверях облизнул губы, в этот момент в глубине прихожей я заметила второго парня, он возник совершенно бесшумно, но тот, что в дверях, обернулся, посмотрел на него, кивнул и сделал шаг ко мне.

– Да вы зайдите, он сейчас придет.

– Спасибо, – пролепетала я, чувствуя, как сердце куда-то проваливается. – У меня нет времени. До свидания. – Я попятилась к лестнице, могу поклясться, парень шагнул за мной, но тут в подъезд вошла компания подростков: четыре девчонки и два паренька лет тринадцати, на поводке они вели огромную собаку, я взвизгнула от неожиданности, увидев ее совсем рядом, а она тьякнула.

– Вы не бойтесь, – сказал парнишка и взял собаку за ошейник. Ребята потеснились, и я торопливо сошла вниз, мельком взглянув назад. Парня не было. С сильно бьющимся сердцем я выскочила на улицу.

Моя машина стояла в целости и сохранности, но мальчишка отсутствовал, ждать меня более десяти минут за пятерку он, как видно, счел ниже своего достоинства. Я завела мотор, шаря глазами по окнам первого этажа.

Через несколько минут все происшедшее показалось мне невероятно глупым. Чего я испугалась? Люди ждали прия-

теля, что в этом особенного? Предложили мне пройти... А что, если это дружки Андрея, хотели заманить меня в квартиру и отобрать пленку? Глупость какая... Разумнее было бы открыть дверь самому хозяину, спросить, привезла ли я пленку, а потом начинать военные действия.

– Чепуха, – вслух сказала я. – А с нервами надо что-то делать, совершенно никуда не годные нервы. Испугалась Бог знает чего, вела себя как идиотка. – Внутренний голос молчал и только пакостно ухмылялся.

Дома я вышла из лифта, который жил своей затейливой жизнью, то работал, то нет и вообще вел себя непредсказуемо. На ходу достала ключи из сумки и едва не столкнулась с новым соседом, он возвращался от мусоропровода.

– Здравствуйте, – улыбнулся он. Улыбка у него была чудесная.

– Здравствуйте, – ответила я, торопливо шагнув к своей двери.

– А я и не знал, что у меня такая красивая соседка. – Он засмеялся, и я тоже улыбнулась, не зная, что следует на это ответить. Он толкнул свою дверь, но входить не стал, смотрел на меня и улыбался. Наконец я распахнула дверь, посмотрела на него, торопливо отвела глаза и брякнула:

– До свидания.

«Симпатичный», – сообщил мне внутренний голос, хотя его и не спрашивали.

– Ну и что, – нахмурилась я.

«Ничего. Просто говорю, что новый сосед – симпатичный парень и по возрасту тебе вполне подходит».

– Лучше бы ты заткнулся...

«Что уж мне, слово сказать нельзя? Вот разозлюсь и замолчу навеки, с кем тогда будешь разговаривать? Совсем свихнешься...»

– Давай подумаем, что делать с пленкой, – вздохнула я и покосилась на телефон. Потом подошла к нему и решительно сняла трубку. Длинные гудки. Выходит, Андрей еще не вернулся, а дружки его не дождались. Или дождались и вместе отправились куда-то. Почему он не позвонил? Мог позвонить, когда я еще не вернулась домой, и все-таки это странно: то пленка ему очень нужна, то он не торопится ее получить. В конце концов, это не мое дело. Надумает, позвонит и заберет ее... Я вынула футляр из кармана, извлекла пленку и еще раз внимательно ее рассмотрела.

– Ерунда какая-то, – сказала я громко и даже головой покачала. Однако ерунда или нет, а держать ее в квартире почему-то не хотелось. Я решила снова убрать ее в тайник. Вышла из квартиры и поднялась на техэтаж, стараясь не скрипеть дверью. Все это заняло минут пять, а когда я собралась возвращаться, то увидела, что возле моей двери стоит сосед и давит на кнопку звонка. «Вот черт, что ему понадобилось? – подумала я. – Показываться ему нельзя, как я объясню, что делала на техэтаже?»

Вдоволь назвонившись, сосед покрутил головой и тут за-

метил, что дверь не заперта, толкнул ее и крикнул:

– Эй, есть кто живой?

На носочках я выскользнула с техэтажа и приблизилась к родной квартире. Оставив входную дверь открытой, сосед заглядывал в кухню и продолжал интересоваться:

– Эй, где вы?

– Здесь, – ответила я. Он удивленно обернулся, а я пояснила: – Проверила почту. – Затем я нерешительно кашлянула и посмотрела на него.

Внутренний голос был прав: сосед подходил мне по возрасту и был симпатичным. Сероглазый блондин, довольно высокий, спортивный и, судя по выражению лица, неглупый. Глаза смотрели с веселым интересом. Одет он был в темные шорты, широкую футболку и сандалии. Мы стояли, рассматривали друг друга, а время шло, надо было что-то сказать, потому что просто стоять и пялиться друг на друга довольно глупо.

– Что-нибудь случилось? – спросила я, кашлянув.

– Что? А... Да. У вас нет соли? С переездом все куда-то подевалось, не могу найти.

– Конечно, пожалуйста.

Я шагнула к полке, достала соль и протянула ему.

– Мне совсем немного, – торопливо заверил он.

– Берите, берите, у меня есть еще, – засуетилась я, и тут мы засмеялись, сначала он, потом я.

– Как вас зовут? – спросил сосед.

– Саша...

– Правда? Вот здорово, меня тоже Саша.

– Очень приятно, – сказала я, зачем-то схватив полотенце.

– Саша, а вы меня чаем не напоите? Я с этим переездом живу как кочевник и почему-то ничего не могу найти.

– Конечно. – Я поставила чайник на плиту и стала собирать на стол. – Садитесь, пожалуйста, – предложила я запоздало, сосед уже сел, смотрел на меня и улыбался. Потом вдруг вскочил и бросился из квартиры, обронив только:

– Я на секунду, не запирайте дверь.

Вернулся он с коробкой конфет, как видно, что-то отыскать в кочевом стане ему время от времени удавалось. В общем, мы сели пить чай. Как ни странно, а разговаривать с новым знакомым мне было легко. Чайник дважды подогрели, конфеты были съедены, но расходиться мы не спешили.

– Вы живете одна? – спросил мой симпатичный сосед.

– Да. Я не замужем.

– А чем занимаетесь? Если не секрет, конечно.

– Не секрет. Хотите покажу?

Я поднялась, он вслед за мной, и мы прошли в комнату.

– Я иллюстрирую детские книги, – пояснила я.

– Алиса, – улыбнулся Саша. – Это ведь Алиса? А это Чеширский кот.

– Да, конечно, – сказала я, поправляя волосы.

– Здорово. Просто здорово. Классная у вас работа. – Он стал увлеченно рассматривать рисунки, а я что-то торопливо

объяснять, радуясь возможности поговорить. Дело в том, что Алису я делала для себя, друзья считали это блажью, бесполезной тратой времени. Так оно, наверное, и было. Теперь я выплескивала на своего гостя годовой запас красноречия.

«Ты совсем спятила, – сказал мне внутренний голос. – Очень интересно человеку слушать твои глупости. Никогда и ни с кем ты не можешь вести себя правильно. Конечно, я рад, что ты от меня отвязалась и мучаешь теперь парня, но это, по-моему, не очень-то прилично».

– А кто тебя спрашивает?

«Потом не вздумай сокрушаться и изводить меня всякими глупостями».

– Извините, – опомнившись, пробормотала я и начала собирать рисунки. – Когда я начинаю говорить об этом, трудно бывает остановиться.

– Нет-нет, мне очень интересно.

– А где работаете вы? – решила я сменить тему.

– В милиции, – он пожал плечами. – Самая прозаическая профессия на свете.

– Правда? – чему-то обрадовалась я.

«Давай расскажи ему про пленку», – сразу же засуетился внутренний голос.

– Он решит, что я спятила. Человек пришел выпить чаю, а я лезу со всякой ерундой.

Однако наличие соседа-милиционера странно успокаивало.

После его ухода я убрала в кухне и решила позвонить Андрею. Дома его опять не оказалось. В течение вечера я еще трижды звонила, с тем же результатом.

Дел накопилось достаточно. Я рано поднялась, намереваясь решить в один день массу вопросов. Мне это почти удалось. Оголодавшая, но довольная, часов в шесть я возвращалась домой и подумала об Андрее, потому что проезжала неподалеку от его улицы. Конечно, лучше позвонить... но уж если я в трех шагах от его жилья... Не раздумывая, я свернула в переулок и вскоре уже тормозила во дворе его дома. Но Андрея не застала. Я потопталась на площадке и стала искать карандаш, с намерением написать записку: «Не застала тебя дома, позвони. Саша». Однако обнаружить карандаш в сумке не удалось, обычно я их таскаю десятками, а тут шарила в сумке обеими руками, придерживая ее коленом, и извлекала на свет Божий что угодно, только не карандаш.

– Безобразие, – пожаловалась я, а внутренний голос тут же вклинился с нравоучением:

«Нечего в сумке разводить свинарник, тогда и карандаш искать не придется».

Как раз в этот момент из моих рук выскользнула пудреница, ударилась о ступеньку, зеркальце разбилось, а аккуратный кружочек пудры пошел трещинами и раскрошился. Я вздохнула, присела и попыталась не расстраиваться. Выяснилось, что сама пудреница тоже пострадала и теперь не желала закрываться. Я все-таки расстроилась, швырнула ее в

сумку и стала спускаться по лестнице. Если Андрею нужна эта пленка, пусть сидит дома.

Я шла к машине и тут услышала тихий свист. В палисаднике, в кустах сирени, сидел парнишка, в прошлый мой приезд выпросивший пятерку, и внимательно наблюдал за мной.

– Привет, – сказала я, останавливаясь.

– Чего ты орешь? – зашипел он. – И не стой как истукан. Подойди к машине и займись чем-нибудь, зеркало регулируй... и в мою сторону не смотри.

От неожиданности я растерялась, отошла к машине и в самом деле вцепилась в зеркало. Только после этого я сообразила, что чертенок просто смеется надо мной, и разозлилась.

– Я тебя поймаю и надеру уши, – пообещала я.

– Ты зачем приехала? – зашипел он из кустов.

– По делу, – пожалала я плечами.

– Не таскайся сюда больше. Про тебя и так спрашивали.

– Кто? – Бог знает почему испугалась я.

– Кто, кто... а то сама не знаешь. Взрослая, а дура.

– Будешь грубить, я с тобой не стану разговаривать.

– Больно надо. Я бы мог тебя вообще не предупреждать, и выкручивайся как хочешь. По номеру машины они тебя в два счета найдут.

– Кто они?

Мальчишка зло хмыкнул.

– Слушай, а ты Андрея давно не видел? – сообразила спросить я.

– А ты? – разозлился мальчишка.

– Со вчерашнего дня.

– Вот и хорошо: больше не увидишь.

– Почему это?

– Кончай дурочкой прикидываться, – он вроде бы расширепел и заворочался в кустах. – Его убили.

Я замерла с открытым ртом и смогла прийти в себя только через пару минут.

– Как тебе не стыдно, – сказала я укоризненно. – Разве можно так шутить?

– Хороши шутки, – сплюнул мальчишка. – Может, кому смешно, но не мне... – Он вздохнул и добавил: – Свидетели долго не живут, это и дураки знают. Так что мотай побыстрее и вообще... забудь о своем Андрее.

– Эй, подожди... – всполошилась я, но мой собеседник исчез в палисаднике.

Я села в машину и торопливо выехала со двора. Минут через десять мне стало смешно: вот ведь чертенок, какого страха нагнал. Поймать бы его да уши надрать как следует...

«Как же, поймаешь такого», – съязвил внутренний голос.

– Все-таки странная манера шутить... И ребенок действительно был испуган... насмотрелся дурацких фильмов... А куда делся Андрей?

Следующие два дня я была так занята работой, что мысль об Андрее просто не приходила в голову. В четверг утром, когда я завтракала, зазвонил телефон. Незнакомый мужской

голос, поздоровавшись, спросил:

– Вы Максимова Александра Сергеевна?

– Да. А в чем дело?

– Вас беспокоят из милиции. Не могли бы вы подъехать к нам...

скажем, часам к одиннадцати?

– Могла бы, – ответила я и почему-то испугалась.

– Вот и отлично. Фамилия моя Степаненко, Николай Петрович.

Он объяснил, куда мне следует подъехать, и, вежливо поблагодарив, повесил трубку. А я разволновалась. Что от меня понадобилось милиции? Прошлась по квартире, пытаюсь успокоиться. Кончай дергаться, ты даже не знаешь, почему тебя вызывают. А что, если Андрей заявил в милицию, что я украла у него пленку? Зачем ему было заявлять в милицию? Не проще ли сначала позвонить мне? В общем, я бродила по квартире и терялась в догадках. Опомнившись, взглянула на часы и стала торопливо собираться.

Ровно в одиннадцать я входила в серое здание. Дежурный строго посмотрел на меня, и я, слегка заикаясь, объяснила, к кому пожаловала.

– По коридору, третья дверь налево, – махнул рукой он, и я пошла на негнущихся ногах, продолжая гадать, кому и зачем я здесь понадобилась.

Стены коридора были выкрашены темно-зеленой краской, поэтому выглядели особенно уныло, на двери нужного

мне кабинета висела табличка. Из нее я узнала, что хозяин кабинета Степаненко Николай Петрович. Следовательно, я ничего не напутала и пришла туда, куда надо. Я нерешительно постучала и, услышав «да», вошла, почему-то ступая на носках. Разозлилась на себя, распрямила плечи и попробовала выглядеть независимой. За столом сидел мужчина лет сорока пяти, лысоватый и крупный. Скучный темный костюм, темная рубашка, манжеты заметно обтрепаны. Лицо утомленное, но глаза смотрели с любопытством.

– Здравствуйте, – проронила я, кашлянув. – Я Максимова Александра Сергеевна. Вы мне звонили.

– Да-да, садитесь, пожалуйста. – Он приподнялся и даже улыбнулся мне, в общем, старался быть вежливым.

Я устроилась на выдавшем виды стуле и стала тревожно смотреть на Николая Петровича, потом решила спросить:

– Что случилось?

– Видите ли, – со вздохом сказал он, – в лесополосе на двадцатом километре объездной дороги обнаружен труп мужчины 25–30 лет. Никаких документов при нем не было, но в кармане пиджака лежал кусочек бумаги, скатанный в шарик, на нем ваш телефон. Не могли бы вы взглянуть...

– На покойника? – растерялась я.

– В общем, да, – невесело улыбнулся Николай Петрович.

– А... а это обязательно?

Он вздохнул:

– Я вас понимаю. Но, возможно, это ваш близкий друг или

родственник. Вы ведь не хотите, чтобы...

Я не могла сказать, чего я хочу, но смотреть на труп у меня точно желания не было. «Могут они меня заставить? – с тоской подумала я. – А вдруг по закону я обязана это сделать... О Господи!»

– Хорошо, – промямлила я и с надеждой добавила: – А у вас нет его фотографии?

– Нам надо установить личность убитого, – словно извиняясь, сказал Николай Петрович, а я испугалась:

– Убитого?

– Да, – слегка удивился он, – здоровый, молодой мужчина вот так просто ни с того ни с сего не умирает.

Николай Петрович поднялся, и мы вместе покинули кабинет.

– Здесь недалеко, – заверил он, направляясь к машине, а я стала лихорадочно перебирать в уме всех молодых мужчин, у которых мог быть мой телефон. Все близкие мне люди вчера вечером точно были живы, я виделась с ними у Кости, на импровизированном творческом вечере, как любил он называть наши посиделки. Номер моего телефона мог быть у антенщика, которого я просила прийти на днях, у слесаря нашего кооператива, который уже неделю обещал заменить кран в ванной, у мастера, обивавшего мне входную дверь, и еще у огромного количества совершенно незнакомых мне людей. И все-таки я очень боялась.

Место, куда мы явились, само по себе к веселью не распо-

лагало, а на меня и вовсе подействовало угнетающе. Мне захотелось побыстрее выполнить свой гражданский долг и сбежать отсюда. Наша прогулка и Николаю Петровичу удовольствия не доставила, он хмурился и молчал. Навстречу нам вышла женщина, поздоровалась, и они пару минут о чем-то тихо поговорили, женщина скрылась за дверь, потом появилась и пригласила войти меня. С сильно бьющимся сердцем я толкнула дверь с надписью «Посторонним вход воспрещен», стараясь смотреть куда-то вверх и при этом ни на что не натолкнуться.

– Взгляните, – сказала женщина.

Я взглянула и едва не вскрикнула: передо мной был Андрей. Сделала шаг в сторону, слабо простонала и подумала, что не мешало бы мне присесть.

– Вот сюда, пожалуйста, – торопливо предложила мне женщина и вывела меня в коридор.

– Вы его знаете? – спросил Николай Петрович. Особого интереса в его голосе вроде бы не слышалось. Я кивнула.

– Да. Это Андрей Суворин.

– Хотите, выйдем на улицу? – чуть помедлив, предложил Степаненко.

– Да... пожалуйста, если можно.

На улице мне стало легче. Я немного посидела на скамейке и вроде бы смогла прийти в себя.

В тот день мне пришлось ответить на множество вопросов, Николай Петрович оказался человеком дотошным и, как

видно, никуда не спешащим.

– Когда вы видели Суворина в последний раз? – задал он обычный для всех детективных фильмов вопрос. Я стала высчитывать, в какой день Андрей вернул мне деньги.

– Три дня назад. В кафе на Литейной в старом городе. Мы по телефону договорились встретиться, я приехала, он уже ждал меня. Вечером я заезжала к нему домой, но не застала. Больше мы не виделись.

– Вы часто бывали у него дома?

– Один раз. Видите ли, мы познакомились недавно, я хотела сменить квартиру, и он вызвался помочь.

Вдаваться в детали и объяснять вещи малоприятные мне не хотелось: о покойниках, как известно, плохо не говорят.

– Кого-нибудь из его знакомых вы знаете? Общие друзья и так далее...

– Нас познакомила моя подруга, он подвозил ее с вечеринки, заговорили о квартирах, и он сказал, что как раз этим занимается. Лариса дала ему мой телефон, он позвонил, и мы встретились.

– Ясно. Фамилия вашей подруги и домашний адрес...

Я назвала и торопливо добавила:

– Вряд ли она сможет рассказать об Андрее больше, чем я.

– Никогда не знаешь заранее, – усмехнулся Николай Петрович, потер переносицу и спросил: – В котором часу вы заезжали к нему домой?

– Около пяти, – подумав, ответила я.

– И не застали?

– Нет.

– И больше не заезжали?

– Заезжала. Я попросила передать ему, чтобы он позвонил, и несколько раз звонила сама, два дня назад проезжала мимо и решила зайти, но дома его опять не оказалось.

«Мальчишка, – неожиданно выплыло из глубин моего сознания. – Мальчишка...»

– Вы сказали, что просили передать Суворину, чтобы он вам позвонил. Так?

– Да, – кивнула я.

– Кого просили?

– Его друзей.

– Где вы с ними встретились?

– Они были в квартире, когда я зашла в первый раз.

Николай Петрович нахмурился.

– Вы сказали, что, приехав к Суворину около пяти, дома его не застали...

– Да. Я хотела написать записку, но тут дверь открылась, в квартире было двое молодых людей. Они предложили мне подождать Андрея, но... у меня не было времени, я попросила их передать ему, чтобы он мне позвонил, и ушла.

– Вы входили в квартиру?

– Нет. Разговаривали на лестничной клетке.

– А почему вы не вошли в квартиру?

– Зачем? Мы сказали друг другу несколько слов, для этого

не надо входить в квартиру. – «Почему я на самом деле не вошла в квартиру? Почему? Потому что испугалась. Да так, что до сих пор при воспоминании об этой минуте в животе у меня что-то сворачивается...»

– Вам ничего не показалось странным?

– Станным? – удивилась я. – Нет... – «Станным и страшным... А что было странным? Да все, только объяснить свои чувства словами я не сумею».

– Вы не удивились, что хозяина дома нет, а дверь вам открывают незнакомые люди?

– Нет, это для меня они незнакомые, но вполне могли быть близкими друзьями Андрея. Возможно, он куда-то ушел, а они его ждали. Что в этом странного?

– Конечно, конечно... Они оба вышли на лестничную площадку?

– Это я была на лестничной площадке, один из них стоял в дверях, а другой вышел в прихожую чуть позднее, услышав, что мы разговариваем.

– Вы хорошо их видели?

– Да, конечно.

– А смогли бы описать?

– Наверное.

– Пожалуйста, отнеситесь к этому очень серьезно.

– Один высокий такой, шатен, короткая стрижка, глаза, по-моему, светлые, нос длинный, острый, лицо широкое с тяжелым подбородком. Рот занятный: нижняя губа очень

пухлая, а верхняя вытянута ниточкой. Какое-то нелепое впечатление производит. Возраст около тридцати лет, может, чуть больше...

– Как долго вы с ним разговаривали? – спросил Николай Петрович.

– Минуту, может, полторы.

– И смогли так хорошо рассмотреть человека, чтобы через несколько дней дать его точное описание?

– Я художница. И лица людей мне интересны.

– Хорошо, – кивнул Николай Петрович. – Еще что-нибудь можете вспомнить?

– Одет был в джинсы, ботинки на высокой подошве и футболку, серую, без рисунка. Второго я не так хорошо запомнила, он стоял в тени. Тоже молодой, волосы темные, короткая стрижка, лицо приятное... Если хотите, я их нарисую.

– Да? – Он вроде бы удивился. Я торопливо достала из сумки блокнот и карандаши и набросала два портрета по памяти.

– Вот, – сказала я, протягивая листы Николаю Петровичу. – По-моему, похожи. Только... они ведь друзья Андрея, и найти их не составит труда...

– Вы так думаете? – с легким сомнением спросил Николай Петрович. – Александра Сергеевна, вскрытие показало, что Суворин был убит примерно в то время, когда вы разговаривали с этими людьми. Вы понимаете?

Я тяжело вздохнула, закрыла глаза, поежилась, но... не

удивилась.

– Вы сказали, что Андрея нашли на объездной дороге, – тихо начала я. – Разве его не сбила машина?

– Нет. Смерть наступила от удара тупым предметом в основание черепа. На теле многочисленные кровоподтеки.

Я вцепилась в свою сумку, пальцы побелели от напряжения.

– Труп вывезли и оставили на объездной дороге...

«Мальчишка... он знал, что Андрей убит... он не шутил.

Мальчишка что-то видел...»

– Что? – спросил Николай Петрович, а я поняла, что говорю вслух. «Что я сказала? О Господи!...»

– Какой мальчишка? – спросил он. Я тяжело вздохнула и прикрыла веки.

– Мальчишка во дворе, лет одиннадцати, похожий на бродяжку. Он выпросил у меня пятерку, обещал присмотреть за машиной. А еще он сказал: «У Андрея менты»... Он так сказал... Почему менты? Оба в гражданской одежде. Мальчишка выдумывал... Господи Боже, что он там видел?

– По-вашему, ребенок может что-то знать? – вроде бы равнодушно спросил Николай Петрович.

– Когда я заехала к Андрею во второй раз... мальчик был явно напуган, сказал: «Не мотайся сюда, тобой уже интересовались». – Я зябко поежилась, чудовищный смысл его слов наконец дошел до меня. – И еще он сказал, что Андрей убит...

Николай Петрович смотрел на меня в упор и хмурился.

– Как вы отнеслись к его словам? – сделав длинную паузу, спросил он.

– Хотела надрать ему уши... думала, он разыгрывает меня... Понимаете, все выглядело как-то... глупо...

Николай Петрович кивнул, но понял он меня или нет, оставалось тайной.

– Послушайте, если мальчик что-то видел... – испугалась я.

Николай Петрович опять кивнул, потом стал расспрашивать о моей работе, я отвечала, хотя и не могла уразуметь, какое отношение моя работа имеет к убийству. Скоро у меня разболелась голова, я стала непроизвольно морщиться и делать паузы между словами, Николай Петрович заметил это и участливо спросил:

– Как вы себя чувствуете?

– Не очень хорошо, – ответила я, он дал мне подписать какую-то бумагу и, кашлянув, сказал:

– Александра Сергеевна, вот мой телефон, если вы вдруг вспомните что-то, непременно позвоните. И еще, о нашем разговоре лучше никому не рассказывать. Извините, но нам придется побеспокоить вас еще.

– Я понимаю, – уныло заявила я, мы простились, и я побрела к своей машине, нашла в сумке таблетки от головной боли, проглотила сразу две и посидела немного, положив руки на руль, ожидая, когда лекарство подействует.

Господи, как я могла влезть во все это? Убийство, эти двое... И мальчишка... Должна я была рассказать о нем? Конечно, должна: убит человек, и мальчишка что-то видел... «Он видел убийцу так же, как ты... вряд ли бандитам это понравится. Нельзя было говорить о ребенке. Это опасно. Он ребенок, он всего лишь ребенок... к тому же языкастый, мог похвастать тем, что видел. Я поступила правильно. Милиция его быстро найдет и сумеет защитить». Утешив себя таким образом, я поехала домой. На душе было тяжело и тоскливо, я смотрела вперед и не очень хорошо понимала, куда еду. Потому не удивилась через некоторое время, обнаружив себя неподалеку от дома, где жил Андрей. Однако въезжать в его двор не стала. Пристроила машину возле магазина и дальше отправилась пешком.

Двор был пуст. Я забралась в кусты сирени, но и там никого не обнаружила, зато обнаружили меня. Окно первого этажа распахнулось, и женский голос сурово спросил:

– Что вам здесь нужно?

– Извините, – вздрогнув, пролепетала я. – Я ищу мальчишка, лет одиннадцати, темные волосы, такая забавная стрижка...

– Он что, украл у вас что-нибудь?

– Украл? Нет, почему?

– А чего ж вы его ищете?

Интересный вопрос, и что я должна ответить? Отвечать я не стала, спросила сама:

– Он живет в вашем доме?

– Если вы ищете Дениса Голубева, то в нашем. Не семейка, а Божье наказание. Тринадцатая квартира. Только если вы собрались жаловаться на него родителям, затея пустая. Отец сидит в тюрьме, а матери до мальчишки нет никакого дела. Пьяница она. Мальчишка предоставлен сам себе. В школу не ходит, болтается целыми днями на улице... В общем, хорошего не жди... Беда с такими соседями. Денисом уже не раз милиция интересовалась, таскается с компанией, все такие же непутевые, то стекло выбьют, то из машины что-нибудь стащат. – Женщина, вздохнув, махнула рукой.

Не зная, что ответить на ее причитания, я постояла, переминаясь с ноги на ногу, брякнула «спасибо» и стала выбираться из кустов.

Тринадцатая квартира располагалась во втором подъезде, я направилась туда, косясь на окна Андрея. По спине прошел холодок, казалось, оттуда за мной кто-то наблюдает.

– Чепуха, – одернула я себя и твердой походкой вошла в подъезд.

Квартира была на первом этаже, звонок не работал, я громко постучала и стала ждать. Тишина. Я постучала еще раз, где-то в глубине квартиры раздались шаги, дверь открылась, и я увидела женщину. Стало ясно: она спала, и я ее разбудила.

– Чего? – спросила женщина хмуро.

– Вы мама Дениса? – испытывая неловкость за вторжение,

поинтересовалась я, голос против воли звучал заискивающе.

– Ну? – стоять ей было трудно, и она облокотилась на дверной косяк.

– Извините, он дома?

– Нет его. – Женщина нахмурилась еще больше и спросила громче: – Вам чего надо? Жаловаться пришли? Жалуйтесь. Сына нет, и, где он болтается, я не знаю.

– Мне он очень нужен. Можно я оставлю свой телефон? Пусть позвонит...

Женщина открыла рот, потом закрыла и посмотрела на меня с большим сомнением.

– Чего он опять натворил?

– Ничего. Просто... просто он обещал мне позировать... Я художница и... – Я торопливо сунула ей листок бумаги со своим телефоном и бросилась из подъезда. Женщина высунула голову, глядя мне вслед с заметным недоумением. Надо было ей все рассказать. Ага, она пьяна в стельку и вряд ли способна хоть что-то соображать. Только бы не забыла отдать телефон мальчишке...

Я шла к машине, пребывая в каком-то странном состоянии: мне казалось, что все совершается помимо моей воли, все идет наперекосяк.

Занимаясь самобичеванием, я направилась к проспекту, домой мне не хотелось, вряд ли я смогу работать в таком состоянии. Я совершенно не знала, что мне с самой собой делать. Свернула к рынку и тут увидела Дениса в компании

четырёх таких же оборвышей, увлеченно намывающего шикарный «Фольксваген». Точнее, увлеченно намывал именно Денис, остальные сидели на корточках и брызгали водой в лицо друг другу из пластмассовых ведер, впрочем, без особого энтузиазма. Я подъехала ближе и посигналила. Один из ребят вскочил и рванул ко мне. Я открыла окно и сказала:

– Мне нужен Денис.

Тот успел меня заметить, посмотрел неодобрительно, подошел вразвалку и заявил:

– Подожди.

Я заглушила мотор и стала ждать. Он закончил работу, получил деньги от вернувшегося с рынка хозяина «Фольксвагена» и только после этого направился ко мне. Я распахнула правую дверь, он сел, посмотрел сердито и сплюнул в окно, а я размышляла, с чего начать разговор.

– Ну чего? – спросил он через минуту.

– Я была в милиции, – сказала я.

– Вот дура, – всплеснул руками Денис. – Ведь говорил же тебе.

– Что ты мне говорил? – не поняла я.

– Говорил: не мельтеши и не суйся...

– Я и не совалась, – с обидой заметила я. – Меня вызвали.

– Как это? – проявил Денис заинтересованность. – Неужто сами нашли? Тачку-то они не видели, у меня же про номера спрашивали, а я сказал, что ты не на «жигулевине», а на «Москвиче», а номер, мол, не запомнил. Как же они, а? Не

на твоём же лбу они прочитали... или ты им в тот раз чего брякнуть успела?

– В какой раз? – растерялась я.

– Ты чего такая глупая? Ты ведь их видела?

– Кого? Приятелей Андрея?

– Хороши приятели, – презрительно фыркнул мальчишка и опять сплюнул. – Они же его уколошили..

– Откуда ты знаешь? – радуясь, что он сам заговорил об этом, спросила я.

– Знаю. Видел. – Тут он посмотрел испуганно. – Ты ведь ментам про меня не сказала?

– Сказала, – тоже испугалась я.

– Вот дура, – он вновь всплеснул руками и покачал головой, чуть не плача. – Вот и делай людям добро после этого...

Он достал сигарету из мятой пачки, прикурил, руки у него дрожали.

– Что ты делаешь? – растерялась я. – Выбрось сейчас же.

– Ты мне что, мать? Или родная тетя? Сама-то небось куришь.

– Ты ещё маленький, – не нашла я достойного аргумента.

– Ага. А ты большая... и умная. Чего ты им про меня наплела?

– Я... извини, я сказала, ты знал, что Андрей убит. То есть знал ещё тогда, когда его труп не нашли.

– А его нашли?

– Конечно. Потому меня и вызвали.

– Ясно. Опознать то есть... ты его подружка?

– И вообще нет.

– А почему ж тогда тебя?

– Потому что в его кармане была бумажка с моим телефоном.

– Это в ментовке сказали?

– Конечно.

– Врут. Тот мужик все проверил. Мент сказал: «Карманы еще раз проверь», и он в карманах шарил... Соврали тебе, вот что... все повязаны, сволочи.

– Ты чего болтаешь? – окончательно растерялась я. – Бумажка была свернута в плотный шарик. Его развернули и смогли разобрать цифры.

– Да? – Денис задумался. – Если так, может, он его и не заметил... хотя мне кажется, врут менты, своих покрывают. А тебя вызвали, чтоб прощупать: чего ты видела, вот. – Он с гордостью посмотрел на меня и был таким невыносимо довольным, что, несмотря на трагизм ситуации, я не выдержала и фыркнула. – И чего ты смеешься? – презрительно спросил Денис.

– Извини, это нервное.

– В голове у тебя не все дома, – проворчал он и отвернулся, потом проронил, пытаясь выглядеть равнодушным: – Теперь они меня, конечно, найдут. Ладно... не страшно... от меня они ничего не узнают.

– Послушай, Денис, – начала я, вышло как-то неуверенно,

я разозлилась и брякнула: – Нам с тобой в милицию надо. Мы видели убийц. Наши показания очень важны. Понимаешь? Ты должен рассказать обо всем, что знаешь.

– Ага. Прямо сейчас и побежал. Нашла дурака. Они меня шлепнут...

– Господи Боже! – развела я руками. – Кто тебя шлепнет? Что ты болтаешь? Ты понимаешь, что человека убили? По-правдашнему. И ты видел убийц. Ты обязательно должен рассказать...

– Да заткнись ты. Никого я не видел, я все выдумал. Тебя пугал. А ты, дура, сунулась с длинным языком, теперь хлебнешь лиха...

– Да почему хлебну-то... – Своей цели мальчишка достиг: я испугалась.

– Потому что все менты повязаны, это каждый придурок знает.

– Хорошо, хорошо... допустим. Только я не понимаю, при чем здесь убийство Андрея, чего ты без конца долдонишь: повязаны, повязаны...

Он наклонился ко мне и зловеще прошептал:

– Андрея менты кокнули...

Я вытаращила глаза и тоже зашептала:

– С чего ты взял? Я видела двоих в его квартире. Оба в джинсах и футболках, формы на них не было. Или ты видел других?

– Этих. Подумаешь, форма. Что ж им, всегда форму но-

силь...

– Тогда я ничего не понимаю, – огрызнулась я. – Они что, тебе документы показывали?

– Дура ты... Я одного из них знаю. Видел два раза на вокзале. Зовут Вася. Его пацаны дразнили, он идет, а они: «Ва-ся, Вася», – очень он злился. Я сам его в форме видел. А пацаны про него рассказывали – сука, а не мужик, ко всем цепляется... Он живет рядом с вокзалом.

– А что ты потерял на вокзале? – спросила я. Видно, с головой сделалось неладное.

– Тебе какое дело? – Денис прикурил еще сигарету и огляделся: – Зачем притащилась? Еще увидит кто, место людное.

– Денис, – стараясь обнаружить в себе хоть какие-то педагогические способности, начала я решительно: – То, что ты говоришь, очень важно для следствия. Ты должен все рассказать Степаненко, это он меня вызывал. Мы ему позвоним и поедem в милицию. По-моему, он хороший человек и сможет во всем разобраться. Кто-то должен разобраться. Пойми, для нас лучше, если убийц арестуют, в противном случае...

– Вот-вот, – обрадовался Денис, – они и нас замочат. Тебя и меня, а все из-за твоего длинного языка. Одно слово – баба. Этот Вася от своих дружков в ментовке про нас узнает и сразу кокнет.

– Если мы дадим показания, как положено, и их опознаем, они нас не кокнут, а в тюрьму пойдут...

– Счас, мент мента всегда отмажет...

– Слушай, сколько тебе лет? – нахмурилась я.

– Тринадцать, – насторожился Денис.

– Врешь.

– Ну, одиннадцать. И что?

– Почему у тебя такое мнение о милиции? Что ты вообще можешь знать о ней?

– Уж побольше, чем ты, – презрительно бросил он и отвернулся к окну, и тут до меня дошло, что мальчишка храбрится из последних сил: он был страшно напуган.

– Денис, – позвала я. – Они тебя не найдут, то есть, если даже найдут, я скажу, что не с тобой в тот раз разговаривала. Извини, что так вышло.

– Да ладно, – спустя минуту сказал он, махнув рукой. – Давай отъедем куда-нибудь. Нечего людям глаза мозолить.

Я потихоньку тронулась с места и через пару кварталов свернула во двор, здесь, в тенечке, мы и устроились.

– Ты кому-нибудь еще рассказывал? – робко спросила я.

– Мамке... только она не поняла спьяну, ругаться стала.

– А друзьям?

– Я ж не дурак, понятие имею.

– Если ты прав и они действительно...

– Действительно, – кивнул мальчишка и уставился на меня. – Я видел, как эти двое его вытаскивали, вот что...

– Андрея? – опять перешла я на шепот.

– Конечно.

– Как вытаскивали? Из квартиры? Ведь светло было...

– Это днем, а они его вытащили ночью. – Он подумал немного, я сидела не шевелясь, боялась неловким словом спугнуть мальчишку. – Я ведь их тачку еще днем приметил. Шикарная. И на панели антирадар. Его за сто штук продать можно, раз плюнуть.

– Ты хотел его украсть? – растерялась я и тут же на себя разозлилась.

– Ну и хотел... Мамка, когда в запое, себя не помнит, а мне жрать надо. Ты-то небось каждый день суп трескаешь?

– Ладно, чего ты, – пожала я плечами. – Не злись. Рассказывай дальше.

– Дальше так... Присмотрел я тачку, она в соседнем дворе стояла. Стоит себе и стоит, я подошел и дверь проверил, на всякий случай. Заперто. Я повертелся немного рядышком, потом пацаны меня купаться позвали, и я пошел. Только мы с речки вернулись и сели в картишки перекинуться, смотрю, опять эта тачка. А пацан один, Борька, говорит, к Андрею, наверное, приехали. Андрей крутой, значит, к нему, больше не к кому на такой-то тачке. А я говорю, если к Андрею, чего ж тогда не в нашем дворе ставят? Ну, мы и поспорили, и пошли смотреть. Тачку они за сараями пристроили, смотрю, этот самый Вася из машины выходит, мент то есть, и еще один, и в наш двор, а мы с Борькой за ними, они вошли в первый подъезд, Борька говорит: «Ты поспорил», я ему отдал десятку, и он ушел, а я на скамейке устроился, очень мне интересно было, зачем к Андрею мент приехал. Я посидел,

посидел, а они так и не вышли, потом ты приехала, потом меня мамка позвала, и я ушел. Через полчаса сбежал, тачку проверил, но они уже смылись.

Я вздохнула с облегчением.

– Слушай, Денис, Андрея, как мне в милиции сказали, действительно убили примерно в то время, когда этот Вася с дружкой находился в его квартире. Но это ведь не значит, что убили они. Должно быть какое-то объяснение, в милиции разберутся...

Мальчишка взглянул на меня с сожалением:

– Не таракти и слушай дальше. В первом часу ночи я пошел прогуляться... – Он запнулся и пояснил: – Мамкин хахаль явился, мы с ним не ладим, батя в тюрьме, а он к нам таскается, а мамка, когда пьяная... в общем, поскандалили, и я из дома ушел. Пацанов не было, я прогулялся немного и отправился в беседку спать. Смотрю, вплотную к палисаднику стоит та самая тачка. Ну, и подошел... из любопытства, а дверь открыта, я и влез... Надо было хватать антирадар и ноги делать, а я пожадничал: магнитола там крутая, с руками оторвут. В общем, этот Вася меня чуть не застукал. Тихо так подошел, я б ни в жизнь его не засек, хорошо, вовремя голову поднял... Деваться мне некуда, и я спрятался между сидений, сзади, тачка-то семиместная...

Я вытаращила глаза и, кажется, побледнела, а Денис зябко поежился.

– Сдрейфил я, то есть растерялся, вот и нырнул на рыбку

в первую щель. Поначалу Вася ничего не заподозрил, видно, не обратил внимания на магнитола, проехал немного вперед, прямо к окну спальни Андрея. Окно крайнее, палисадник до него не доходит... Вася этот вышел и к окну, я выскочить хотел, да деру, а они... Окно-то открыто, и... – Денис поежился, вздохнул и спросил глухо: – У тебя пивка нет?

– Что? Нет... Они вытащили труп через окно? – помедлив, спросила я.

– Ага. В одеяло завернутый. И в багажник положили. А багажник там знаешь какой? Просто еще одна дверь открывается... а я совсем рядом...

Я, кажется, не дышала, заворожено глядя в глаза ребенка, пытаюсь представить ужас, который он пережил в ту ночь.

– Как же ты?... – пролепетала я.

– Как же, как же?... Так же! Лежал и думал: каюк мне. За роют вместе с Андреем. Тут этот Вася, он сбоку сидел, полез к магнитоле, кассету поставил, а она не пашет... Он, конечно, понял, в чем дело, и материться стал, а другой, хозяин машины, говорит: «Да заглохни ты, не о том думать надо. Нечего было тачку без присмотра оставлять». Я испугался, что они машину проверят, но не стали. Тут мы выехали на объездную, свернули в сторонку и остановились. Они опять заспорили, Вася говорит: «Надо труп на дороге бросить», а другой ему: «Зачем, мол, все равно поймут, что не машиной его... Нечего мудрить, бросить между деревьев да завалить чем-нибудь, чтоб не сразу нашли. А там уж девка ни в жизнь

не вспомнит, когда нас в квартире видела, такие, как она, ни в чем не уверены, и с толку ее сбить труда не составит». В общем, они опять багажник открыли, а я чуть не заорал, потому что этот Вася прямо в лицо мне смотрел, хорошо хоть темно было... Они Андрея вытащили и понесли к кустам, а я не помню, как выскочил, и деру.

– Они тебя заметили? – тревожно спросила я. Денис кивнул:

– Да. Только не сразу. Это они из-за магнитолы сообразили, чтоб ей пропасть. Сели в машину и за мной по дороге, только я ведь не дурак, к оврагу кинулся и там залег. А когда светать стало, к гаражам пошел... их тачки нигде не видел. Может, они решили, что им почудилось... и никого на самом деле не было... Как думаешь? – тревожно спросил он.

– Не знаю, Денис, – честно ответила я. – История такая... просто не знаю, что делать. Почему они труп в квартире не оставили, а куда-то его потащили, ведь рисковали же?..

– Так ведь из-за тебя... бестолковая ты все-таки. Ты ж их в квартире-то видела и, конечно бы, ментам рассказала точное время и все такое. А в посадке на объездной его могли и вовсе не найти. Они ж труп спрятали.

– Видно, плохо спрятали, – заметила я. – Нашли ведь.

– Нашли бы они, как же! – разозлился Денис. – Я в ментовку позвонил и сказал, что дядька в кустах валяется, вроде мертвый, вот менты и кинулись землю носом рыть. Мы с пацанами бегали смотреть. Дядька нас погнал, но все равно

ясно стало: нашли, чего б им тогда там толпиться...

Он замолчал, глядя в окно, и я молчала, не зная, что сказать.

– Оказались мы с тобой в дерьме, – вдруг заявил Денис. – А ты еще ментам разболтала и про себя, и про меня. Найдет нас теперь Вася в три счета.

– Не успеет, если мы сейчас же пойдем в милицию.

– Ага. А там Васины дружки. За что-то они Андрея кокнули, Андрей крутой был, на «Тойоте» раскатывал, а они его раз... и все. А нас и вовсе придавят на каком-нибудь перекрестке. Тихо сидеть надо, вот что. Может, тогда про нас забудут.

– А как же убийство, Денис?

– А это дело не наше.

– Я понимаю, ты боишься, – как можно мягче начала я. – Если честно, я тоже очень боюсь. Но если ты прав, тогда тем более в милицию надо. Своим молчанием мы этим типам только жизнь облегчим. Будем молчать, они разделаются с нами, ничего не опасаясь. Я сегодня Степаненко их портреты набросала, я ведь художница. Можно ему позвонить и сказать, что видела одного из этих людей в милицейской форме на вокзале, они найдут Васю очень быстро. Придется им что-то со всем этим делать, ты понимаешь? Положим, у Васи в милиции есть друзья, но ведь не все там поголовно продажные, значит, будет расследование...

– А пока оно будет, нас прирежут в темном переулке.

– Нас прирежут, если мы с перепугу в щель запрядемся, там как раз самое удобное место.

– Ладно, делай как знаешь, – проворчал Денис, – только про меня не болтай, в ментовку все равно не пойду.

– Хорошо. И давай договоримся: будь поосторожней, ночью по улицам не шатайся и никому ничего не рассказывай. Я тебе телефон дам, если что, позвони...

Он взял бумажку с номером телефона, сунул в карман и зло пробормотал:

– Навязалась на мою голову...

– Отвезти тебя домой? – предложила я.

– Какое домой... работы полно.

Он сурово посмотрел на меня, вышел из машины и громко хлопнул дверью. А я стала искать телефон-автомат. Конечно, удобнее было бы звонить из дому, но мне казалось, чем скорее я позвоню Степаненко, тем лучше для всех нас. На счастье, он оказался в своем кабинете.

– Николай Петрович, – начала я дрожащим голосом. – Я видела человека, одного из тех, кого встретила в квартире Андрея. Я ничего не понимаю, но сейчас он был в милицеевской форме. Его спутник назвал его Васей. Я совершенно убеждена, что встреченный мною милиционер тот самый молодой человек, но этого ведь не может быть, правда? Иначе выходит, что убийцы...

– Вы нашли мальчишку? – вдруг спросил Степаненко.

– Что?

– Вы нашли мальчишку, и он вам что-то рассказал?

– Нет, вовсе нет. – Я вдруг испугалась. – Я просто заезжала на вокзал и случайно увидела того человека... Наверное, я ошиблась, извините. – Я бросила трубку и стрелой кинулась к машине.

«А что, если Денис прав? – осведомился вдруг внутренний голос. – Что, если это какая-то тайная операция, о которой никому знать не положено? Это не у нас, это в американских фильмах обычно ЦРУ такими штуками занято, а ты дура и ничего в подобных делах не смыслишь. Поэтому должна отправиться к Степаненко и все ему рассказать...»

– Я обещала Денису...

«Ребенку одиннадцать лет, а ты взрослая тетя и должна понимать».

– А я боюсь. И вообще, заткнись и не вздумай высываться, я еду домой и ничего об этом убийстве больше слышать не желаю.

Утром я смогла настолько успокоиться, что принялась за работу. Часа три все шло нормально, потом я вышла на кухню выпить кофе, а вернувшись, застыла перед рисунками в полном недоумении.

– Это черт знает что! – подумала я вслух. Алиса выглядела испуганной, а обитатели Зазеркалья не иначе как ожидали землетрясения. Я досадливо отшвырнула листы, уставилась в стену и пожаловалась ей: – Нет, так нельзя. Надо со всем этим что-то делать.

«Вот сказанула так сказанула», – хихикнул внутренний голос. Последнее время он отличался повышенной вредностью, никакой на него управы. Я покосилась на телефон. Странно, что из милиции до сих пор никто не позвонил. Позвонить самой? И что? Спросить, почему вы меня на допрос не вызываете или на беседу? Нет, на допрос, наверное.

В дверь позвонили.

– Ну вот, кому-то я все-таки понадобилась.

Я подошла, протянула руку к замку и тут же ее отдернула.

– Кто? – спросила я тревожно.

– Слесарь, – ответил мужской голос с некоторой ленцой.

Я обрадованно распахнула дверь. Молодой парень в джинсовой куртке стоял на пороге, темная сумка в его руках почему-то выглядела нелепо. Совсем свихнулась, ей-Богу...

– Я вас не знаю, – промямлила я.

– Ну и что? Кран чинить будем?

– Будем, – улыбнулась я, впуская его в квартиру. – Я договаривалась с нашим слесарем, я имею в виду слесаря нашего кооператива...

– Меня послали. Он приболел, где кран?

– В ванной.

Парень толкнул дверь ногой и вошел в ванную, вскользь мазнув меня взглядом. Сердце у меня куда-то провалилось и возвращаться назад никак не желало.

– Вот здесь вода перекрывается, – сказала я.

– Найдём.

Стоять над душой у человека я сочла неприличным и отправилась на кухню. Подумала и принесла телефон из прихожей, прислушалась: в ванной было тихо. Я не удержалась, набрала номер и, понизив голос, спросила:

– Кондратьева можно?

– Нет его, ушел, в восьмом доме авария. Вам чего надо?

– У меня кран течет, я заявку давала.

– Не до заявок сейчас, говорю, авария.

Я осторожно повесила трубку, боясь, что сию минуту упаду в обморок. Этот в куртке на слесаря не похож. А на кого он похож? Взгляд странный... у тебя теперь все странные... Я взяла нож и положила его рядом с телефоном. Вдруг у него пистолет? Надо звонить в милицию... А вдруг парень окажется обычным слесарем? Если он убийца, то милиция вряд ли поможет, пока я объясню им в чем дело, он меня пять раз убьет. Чего он там возится? Я взяла нож в правую руку, а в левую телефон и пошла к входной двери. Ее надо открыть, если что, я смогу выскочить из квартиры и убежать... Парень все еще был в ванной. Я распахнула входную дверь и вышла в коридор, оставив телефон на тумбочке. А что делать с ножом? Я сунула его под тумбочку, прикрыв туфлями. Схватила какую-то тряпку и увлеченно принялась натирать входную дверь, по-прежнему держа ее открытой. Пока этот тип в ванной, в квартиру не вернусь, я могу помыть здесь стены, а также пол и даже потолок, если понадобится. Парень наконец вышел.

– Все, – сказал не очень вежливо. – Принимайте работу.

«Интересно, как, если я не желаю покидать коридор?»

– Закончили? – улыбнулась я, парень не ответил, стоял и тер куском ткани руки и вроде бы чего-то ждал. – Извините, я хотела бы здесь убрать, – пояснила я свое нежелание входить в квартиру.

– Вы кран смотреть будете?

– Нет. Зачем? Вы же сказали, что все починили. Я вам верю.

– Да? – Парень еще немного потер руки, тут хлопнули двери лифта, и на лестничной клетке возник Степан Савельевич, мой сосед из квартиры напротив. Я его недолюбливала, жутко болтливый тип и зануда, но сейчас его появление вызвало во мне дрожь восторга.

– Убираешься? – спросил он и поздоровался.

– Выдалось свободное время...

– Да... Превратили подъезд в помойку, безобразие. Где уборщица? Должна быть уборщица, мы же деньги платим.

Я радостно кивала и на парня поглядывала. Он все еще стоял в прихожей и чего-то ждал. Увлеченно поддерживая беседу, я схватила сумку, извлекла кошелек и протянула ему десятку.

– Спасибо, – он сунул деньги в карман, зашел в ванную и, забрав сумку, направился к выходу. Вид имел явно недовольный. Может быть, десятка – не те деньги, которые он рассчитывал получить? Парень вошел в лифт, а я еще минут

пять болтала с соседом. Потом захлопнула дверь, задвинула щеколду и достала нож из-под тумбочки. «Если так пойдет дальше, через пару дней я свихнусь», – с тоской подумала я и кинулась в ванную. Кто бы ни был этот тип, но кран он починил.

Я попробовала засесть за работу, через полчаса стало ясно: это бессмысленно. Решительно направившись к телефону, я отыскала номер Степаненко и позвонила. Снять трубку никто не пожелал. Взглянула на часы: возможно, рабочий день у него уже закончился. Я еще раз позвонила в ЖКО, жажда деятельности переполняла меня, я хотела знать, присылали мне слесаря или нет. Получить ответа на свой вопрос я так и не смогла. Была заявка, слесарь был, кран починил, так чего вам надо? Раз приходил, значит, присылали. Сердиться на неведомую мне женщину было глупо: с ее точки зрения, я вела себя как ненормальная. Ладно, Бог с ним, со слесарем... Я схватила телефонную книгу, немного покопалась в ней и, обнаружив нужный номер, позвонила в милицию. На этот раз мне ответили, но не порадовали: Степаненко нет, когда будет – неизвестно. Положим, я могу позвонить его начальнику... и что? Расскажу про слесаря? А что, если обратиться к Саше? – вдруг вспомнила я про соседа. Рассказать ему все и попросить совета? Уж он-то должен знать толк в подобных делах... Впутать малознакомого человека в такую историю?.. Я бродила по квартире, изводя себя подобными мыслями, потом решительно направилась к соседу.

Саши дома не оказалось. Очень огорчившись, я вернулась к себе и, не придумав ничего лучшего, легла спать. Было еще рано, светло, я крутилась, вертелась и мучилась, но в конце концов уснула.

Разбудила меня форточка. От ветра она то открывалась, то закрывалась и при этом хлопала. Я поднялась, подошла к окну и закрыла форточку, потом подумала, открыла опять и, чтобы прекратить раздражающее хлопанье, приперла баночкой с клеем. Потом постояла немного, глядя в окно. Двор тонул в темноте, единственный фонарь горел возле третьего подъезда, ночь без луны и звезд, жутко. Я поежилась, жалея, что проснулась. Теперь в голову ползет всякая нелепица и уснуть не удастся.

Я прошла на кухню и поставила на плиту чайник, опасаясь стоять спиной к открытой двери.

«Ночные кошмары одинокой женщины», – съязвил внутренний голос, которого явно не спрашивали.

– Ну и что с этим прикажешь делать? – вслух поинтересовалась я.

«Чего ж с этим сделаешь? Раньше надо было думать, – он вроде бы вздохнул. – У тебя в голове одна работа, и добро бы ты была Гогеном или, например, Коровиным, так ведь нет: мелкое художественное дарование, разменивающее свою жизнь на детские книжечки».

– Каждому свое, – возразила я и опять подумала: «А не обратиться ли мне к психиатру: можно ли считать нормаль-

ным то, что молодая женщина все чаще и подолгу разговаривает вслух сама с собой?»

Чайник начал пофыркивать, а я на него смотреть, потом выключила, заварила чаю покрепче и подумала, что уж если нелегкая подняла меня среди ночи, то не мешало бы мне умыться. И я пошлепала в ванную, мысль о ванной вернула меня к думам о сегодняшнем визите слесаря, я вздохнула и вдруг испуганно замерла: хлопнули двери лифта. Ну и что? Лифт работает, это для нашего дома явление, но вообще-то работать ему положено, и кто-то должен пользоваться им по ночам. Например, мой сосед Саша, он одинокий молодой мужчина и вполне может где-то задержаться и вернуться поздно ночью. А почему я не слышу шагов? Он должен пройти мимо моей двери... Тишина... Я встала как вкопанная, таращась на дверь. Потянулась к выключателю и торопливо отдернула руку. Там, за дверью, кто-то стоял и чего-то ждал. Прислушивался? Меня начало трясти, как в ознобе. Чепуха, никого там нет... Я осторожно, на цыпочках, сделала шаг назад. В этот момент послышался шорох, и ручка замка чуть сместилась в сторону. Я вытаращила глаза, привалилась к стене и ладонями сдавила рот, так и не решив, что должна делать: притвориться, что умерла, или орать во все горло. Тут ручка замка вернулась на свое место в положение «закрето». Опять шорох. Господи Боже, кто-то подбирает ключи или отмычки или как это там называется... а я стою и чего-то жду. Они не смогут сразу открыть дверь, там

еще есть щеколда... Я схватила телефон и кинулась с ним на кухню, торопливо набрала 02, руки так дрожали, что я с трудом смогла ткнуть пальцем в нужные кнопки, услышав равнодушное «милиция», я принялась что-то говорить, косясь на входную дверь. Ручка не двигалась, и тишина, как на кладбище. А что, если я схожу с ума и все это мне только привиделось?

– Подойдите к двери и спросите, кто там? – посоветовал дежурный. – Скажите, что вы на связи с милицией и к вам уже едет патрульная машина.

– А она едет? – пролепетала я и зачем-то повесила трубку, шагнула к дверям и отчаянно крикнула: – Кто?

Ручка вдруг сдвинулась на девяносто градусов, и кто-то с силой налег на дверь. Я заорала и бросилась в комнату, задев ногой провод, телефон полетел на пол, а я упала. Меня убьют раньше, чем приедет милиция, с какой стати им торопиться: звонит какая-то идиотка и заявляет, что кто-то вроде бы пытается открыть ее дверь... Кто-то там, в коридоре, приналег плечом, решив, что прятаться теперь не имеет смысла. Я схватила трубку и, набрав 02, заорала, точно меня уже режут:

– Помогите, пожалуйста, помогите!.. – И тут вспомнила про Сашу, бросилась в комнату и отчаянно заколотила в стену. Можно, конечно, попытаться перелезть на соседнюю лоджию и скорее всего разбиться, потому что руки дрожат и я уже не соображаю, что делаю. Вот тут и зазвонил телефон, а я подпрыгнула. От неожиданности, потому что уже успела

забыть, что положила трубку, а телефон поставила на диван.

– Алло, – крикнула я.

– Саша, что случилось? – Это был сосед.

– Господи, ты дома, – пролепетала я. – Кто-то ломится в мою дверь... я звонила в милицию... я боюсь! – взвизгнула я, а он сказал:

– Успокойся, успокойся, я через минуту буду у тебя.

Я вскочила и выглянула в прихожую. Очень осторожно, мне казалось, что кто-то там прячется. Конечно, никого там не было, дверь в целости и сохранности. Пока я на нее таращилась, ожил дверной звонок, а вслед за этим меня позвал Саша:

– Это я, открой.

Трясушимися руками я отперла дверь и впустила его в прихожую.

– Что? – спросила я тревожно. Он взглянул как-то странно. Пожал плечами.

– Ничего. То есть никого. Что случилось?

Я торопливо рассказала о том, что произошло. Теперь, когда Саша был рядом, все почему-то казалось глупым и каким-то ненастоящим. Он меня разглядывал, точно прицениваясь, и это было неприятно.

– Ты ничего не видел? – спросила я.

– Нет. Ни возле двери, ни на лестничной клетке, ни на самой лестнице.

– Но не приснилось же мне все это? Они могли спуститься

на лифте.

– Да он не работает.

– Не работает? – ахнула я, всерьез начав опасаться за свой рассудок.

– Не работает. Опять сломался. Кнопка «занято» горит, а лифт точно приклеенный...

– Наверное, надо позвонить 02, сказать, что тревога ложная, – задумчиво сказала я.

– Ты звонила в милицию? – удивился Саша, а я покраснела: скорее всего он решил, что я все выдумала для того, чтобы поднять его из постели поздней ночью и затащить к себе...

– Да, – кивнула я. – Звонила. Я очень испугалась. Не могу понять, куда этот тип делся, но кто-то действительно пытался ворваться в мою квартиру. Я не спала, и я не сумасшедшая.

– Конечно, конечно, – заверил он и стал куда-то звонить, давать отбой ложной тревоге.

Я прошла на кухню, налила себе чаю, потом подумала и достала коньяк из шкафчика. Залпом выпила рюмку. В кухне появился Саша, спросил с улыбкой:

– А мне можно?

– Разумеется... – Я достала еще рюмку. – Наверное, все выглядит глупо, но я так испугалась...

– Ты поступила правильно... Можешь стучать в стену хоть каждую ночь, я с радостью приду на помощь.

– Мне все это не кажется забавным, – покачала я головой.

– Извини, я не хотел сказать ничего обидного.

Мы сели за стол и немного помолчали, я чувствовала себя неловко: подняла человека среди ночи, рассказала нелепую историю, что он обо мне подумает? Я решительно поднялась и сказала:

– Идем, я хочу взглянуть на лифт.

Он с неохотой встал и пошел за мной к двери. Кабина застряла на втором этаже, причина очередного сбоя работы на виду: между дверками лифта кто-то всунул спичечный коробок.

– Мальчишки, наверное, – сказал Саша, коробок вытащил, двери сомкнулись, а кнопка вызова погасла. Его нежелание верить в то, что в мою квартиру действительно кто-то пытался проникнуть, становилось обидным. Мы вернулись на девятый этаж.

– Извини, – сказала я, подходя к двери. – Ужасно глупо все получилось.

– Хочешь, побуду с тобой? Спать все равно не хочется.

– Нет. Мне и так очень неловко. Не повезло тебе с соседкой.

– Напротив. Запиши мой номер телефона и в случае чего непременно звони. Хорошо? Или стукни в стену. Я приду, мы выпьем чаю, и ночные страхи исчезнут.

«Он считает меня психопаткой, свихнувшейся на почве одиночества, – с обидой подумала я. – А вдруг он прав?»

Возможно, я бы и согласилась с этим, если бы ночные видения не стали посещать меня сразу после убийства Андрея. Нет, я не сумасшедшая, и кто-то действительно пытался войти ко мне без приглашения.

Уснуть я уже не пыталась, взяла книгу и устроилась в кресле, очень хотелось разреветься, я кусала губы, уставясь в страницу невидящим взглядом. В комнате понемногу стало светлеть, а я успокаиваться, чуть позже выключила лампу и перебралась на диван, голова болела, и желания читать не было, я рассматривала потолок и размышляла. Невеселые мысли.

В дверь позвонили. Я вскочила, накинула халат и посмотрела на часы. Половина десятого утра. Выходит, я все-таки уснула. Растирая виски, вышла в прихожую и громко поинтересовалась:

– Кто?

– Максимова Александра Сергеевна? – очень официально осведомились из-за двери.

– Да, – нерешительно ответила я, открывая замок.

На пороге стоял серьезный молодой человек, в светлых брюках и рубашке навыпуск. Я в замешательстве уставилась на него, а он, протянув удостоверение, сказал сурово:

– Вам придется пройти со мной. Во дворе машина.

– А вы кто? – не придумав ничего умнее, спросила я.

– Вы же видели мои документы.

– Хорошо, проходите.

Он прошел и замер в прихожей, сказав:

– Одевайтесь. Нас ждут.

Я кинулась в ванную приводить себя в порядок и одеваться.

«Он совсем не похож на милиционера», – заявил мне внутренний голос.

– А на кого он похож? – съязвила я.

«Ну уж не знаю. А взгляд? С чего бы это милиционеру так на тебя смотреть? Можно подумать, тебя в троллейбусе поймали с тремя килограммами тротила». Я высунула голову из-за двери и еще раз взглянула на милиционера. «На твоём месте я бы позвонил Степаненко».

Я вышла из ванной и спросила с улыбкой:

– Вас Николай Петрович послал?

– Кто? – нахмурился парень.

– Степаненко?

– Нет. Ваше дело теперь у другого следователя.

– Мое дело? – испугалась я.

– Ну да. – Он взглянул с особой суровостью, а я почувствовала беспокойство: конечно, человек при исполнении, и с утра у него, возможно, болят зубы, но перед ним молодая женщина, к тому же не уродина и не совершившая ничего такого, за что на нее следовало бы взирать с подобным выражением лица. – Готовы? – бросил парень, поворачиваясь к двери.

– Если не возражаете, я позвоню Николаю Петровичу, – сказала я, отступая на несколько шагов в сторону.

– Пожалуйста, – усмехнулся он. Не знаю, как должны вести себя милиционеры, но этот вел себя странно. Я торопливо набрала номер, стараясь держать гостя в поле зрения.

– Я хотела бы поговорить с Николаем Петровичем Степаненко.

– Вы по какому вопросу? – строго спросил мужской голос.

– Меня на днях вызывали и...

– Позвоните по номеру... – Он продиктовал номер, а я в перепугу не успела его запомнить. Парень томился в прихожей, я решительно отодвинула телефон, в конце концов, человек предъявил удостоверение, и я, наверное, обязана ехать. Взяла сумку и пошла к двери. В молчании мы спустились в лифте, он не улыбнулся и даже не смотрел на меня. Я думаю, было бы естественно для представителя власти ободряюще мне улыбнуться и объяснить, куда и зачем мы едем. «Надо позвонить Саше», – с опозданием подумала я, в этот момент мы как раз выходили из подъезда.

– Сюда, – сказал парень и взял меня за локоть. Я резко отдернула руку, происходящее нравилось мне все меньше и меньше. И тут я увидела машину: семиместная «Мицубиси» серовато-зеленого цвета. Хотела закричать, но вместо этого приподняла правую ногу и внимательно посмотрела на каблук. «Только не сходи с ума. Совершенно необязательно, что это та самая машина...» Парень покосился на меня и пред-

принял попытку вновь взять за локоть.

– Если вам не трудно, уберите руки, – сказала я. – Неприятно чувствовать себя под арестом.

Машина замерла рядом с нами, дверь открылась, и я увидела человека, которого, в общем-то, и ожидала увидеть. Именно он разговаривал со мной в квартире Андрея.

– Здравствуйте, – вежливо сказала я и даже улыбнулась, всем своим видом демонстрируя большую радость от встречи с ним, потом резко повернулась, захватив локтем в солнечное сплетение своему конвоиру, и бросилась бежать. Такой прыти от меня никто не ожидал, потому парни растерялись. Если честно, я этого и сама не ожидала и, куда бегу, представления не имела, просто неслась через двор, проклиная себя за то, что, собираясь в милицию, обула туфли, почему бы не предпочесть им что-нибудь спортивное? Туфли можно сбросить, но на это уйдет время, и они меня догонят.

Именно это они и собирались сделать. Один парень с воплями несся за мной, другой рванул на машине с намерением перехватить меня, если я покину двор. Из-за угла вывернула «Волга», каким-то чудом я проскочила перед самым капотом и тут же услышала отборную матерщину: как видно, моему преследователю повезло меньше. Я кинулась по тропинке вниз к троллейбусной остановке. У этих типов милицейское удостоверение, так что на помощь граждан рассчитывать не приходится. Бежать в таком темпе больше пяти минут я тоже не смогу, следовало срочно что-то придумать.

Я была возле остановки, когда появилась машина... Быстро оглянувшись и не увидев парня в рубашке навыпуск, я तो ли обрадовалась, то ли запаниковала еще больше и по газону кинулась через кусты к дому напротив. В округе он славился тем, что имел невероятную протяженность, точное количество подъездов не знали даже жильцы, для меня важным было то, что подъезды эти были проходными. К одному из них я и устремилась, успев заметить, как «Мицубиси» разворачивается с намерением перехватить меня во дворе. Я влетела в подъезд, дверь во двор была открыта, но воспользоваться ею было бы не очень умно: на своих двоих от машины мне не уйти. Спрятаться в подъезде, в надежде, что они не будут искать меня здесь? Если бы кто-нибудь укрыл меня в квартире... это маловероятно, а вот дверь в подвал совсем рядом и открыта. Не раздумывая, я спустилась на три ступеньки, заметив в углу черенок от лопаты, схватила его, закрыла дверь и сунула черенок за ручку, подергав для надежности... Как выяснилось, я сама себя загнала в ловушку: внизу еще одна дверь, запертая на ключ. Я опустила на корточки, привалившись спиной к стене. Если я выберусь сейчас из подвала, то скорее всего столкнусь нос к носу со своим преследователем, во дворе меня ждет машина, так что мне ничего не остается, как сидеть здесь и ждать. По крайней мере могу отдышаться. Свет не горит, вдруг мне повезет и эти типы боятся темноты? В этот момент дверь кто-то толкнул, один раз и без особого усердия. Я вжалась лицом в колени

и сдавила ладонями виски. Но ничего не произошло. Навер-ху хлопнула подъездная дверь, потом залаяла собака, потом вообще стало тихо, как в могиле. Если учесть, что сидела я в темноте, сходство с могилкой было почти полным.

В подвал никто не рвался, я не могла так просто поверить в удачу и ждала час, не меньше, то поднимаясь, то опять опускаясь на корточки. Потом осторожно приблизилась к двери, прислушалась. Ничего подозрительного. Но открывать дверь все равно было страшно. Я сосчитала до тысячи, потом просто постояла, пялясь в темноту. Прошло еще полчаса. Боясь упасть в обморок, я зажмурилась и выдернула черенок из ручки двери. Солнечный свет ударил в глаза, на мгновение ослепив меня. Но ничего страшного не произошло, никто меня не поджидал. Я поднялась на четвертый этаж и из окна обследовала двор. Ни «Мицубиси», ни парня в рубашке навывпуск.

«Неужели повезло? – усомнилась я и еще немного подо-ждала, отодвинувшись от окна. – А что, если это действи-тельно милиция? – подумала я с ужасом. – Но Денис гово-рил – серо-зеленая, семиместная «Мицубиси», и я не помню, чтобы раньше встречала милиционеров на таких машинах... Денис! – охнула я. – Вдруг они нашли мальчишку?»

Я вышла из подъезда и, стараясь вести себя естественно, направилась к остановке, однако моей выдержки надолго не хватило, и через минуту я уже бежала. Преследователи не появлялись. Я остановила такси и дала адрес Дениса. Уже

свернув на нужную мне улицу, вдруг подумала: эти типы могут поджидать меня именно там. Я торопливо расплатилась с водителем и вышла. Но ведь как-то я должна попасть во двор? Тут я сообразила, что стою посреди улицы и грызу ногти. Боже мой, это уж вовсе никуда не годится. Я должна увидеть мальчишку, а после этого пойти в милицию и выяснить, что, черт возьми, происходит. Отличный план, боюсь, для его осуществления моего характера явно недостаточно. Стучать кулаком по столу я никогда не умела... Со двора вылетел мальчишка на роликовых коньках и едва не сбил меня с ног.

– Эй, постой! – крикнула я. – Ты знаешь Дениса Голубева, он вон в том доме живет?

– Ну, знаю... – ответил мальчишка, глядя на меня с подозрением. – А зачем он вам?

– У меня к нему дело, серьезное. Ты не мог бы зайти к нему домой, передать, что я его жду?

– Чего ж сами не сходите?

– Я тебе десятку дам, – нахмурилась я. Парнишка взглянул недоверчиво и исчез за углом. Однако через некоторое время вернулся.

– Никого у них нет. Давайте деньги.

– Слушай, он мне действительно очень нужен, не знаешь, где он может быть?

– Да где угодно. Может, на речку пошел, может, машины моет...

– Если увидишь его, передай, я жду в парке за бывшим Дворцом пионеров, – это первое, что пришло мне в голову. Мальчишка вновь исчез за углом, а я, остановив машину, направилась к рынку, где в прошлый раз встретила Дениса. Мальчишки сидели на ведрах и тосковали, Дениса среди них не было. Отпустив машину, я подошла к ним.

– Дениса сегодня видели?

– Не-а, – лениво ответил самый старший.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.